

Галина Грановская

**Черный плащ
НЕМЕЦКОГО ГОСПОДИНА**

Галина Грановская

**Чёрный плащ
немецкого господина**

«Издательские решения»

Грановская Г.

Чёрный плащ немецкого господина / Г. Грановская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851775-4

О романе. История захватывает внимание и держит в напряжении до самых последних страниц. Опустившийся безработный инженер вдруг получает работу, о которой не смел и мечтать; к нему начинают проявлять интерес успешные и красивые женщины; его посылают в заграничные командировки... Имеет ли какое-то отношение к этим фантастическим переменам в его жизни плащ, случайно купленный им в «секонд хэнде»?

ISBN 978-5-44-851775-4

© Грановская Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Чёрный плащ немецкого господина

Галина Грановская

© Галина Грановская, 2019

ISBN 978-5-4485-1775-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Василий отступил в сторону, пропуская гостя в прихожую. За его широкой спиной уже раздевались Серега и Маринка Девяткины.

– Всем привет, – поздоровался Пашка. Поставил пакет с бутылками на ободранный пол, чтобы позвать Сергею руку.

– Привет-привет, дремучий дед, – насмешливо откликнулась Маринка, стягивая сапог и надевая принесенные с собой тапочки. – Один пришел? Так никого и не нашел до сих пор?

Сергей мужик ничего, спокойный, а вот жену его, Маринку, Пашка не любил. Он таких, языхатых побаивался. Терялся от их напора. Вот и сейчас не нашелся, что сказать, только неопределенно пожал плечами. И чтобы пресечь дальнейшие вопросы, повернулся к Ваське:

– А именинница где?

– Все возится. Давайте, проходите... Варька, заканчивай кашеварить, все уже собрались! – крикнул нетерпеливо в сторону кухни.

Видно было, что ему уже сильно не терпелось пригубить.

– Пашка, мужчине одному нельзя, – продолжала гнуть свое Маринка, поправляя перед зеркалом прическу. – Гастрит заработаешь, не говоря уж о всяких болезнях ниже пояса.

Вот привязалась! Есть же такие, медом их не корми, дай настроение другому испортить.

– Да я, вроде бы, того, женат, – кисло попытался отшутиться Пашка.

– Жена была, да сплыла, – глянув на него через зеркало выпуклыми черными глазами, усмехнулась Марина. – От хороших мужиков, между прочим, жены не сбегают...

– Отстань от него, – приказал Серега. – Пойди, вон, к Варваре, может, ей помощь нужна.

– Ой, братцы, а какой мы самогон принесли! – вспомнила Маринка и причмокнула толстыми губами. – Сама делала, чистый, как слеза! И помидорчики с огурчиками своего засола.

Из кухни с пылающими от жара щеками, вытирая руки вафельным полотенцем, появилась, наконец, и виновница торжества в новом трикотажном платье, плотно облегающем ее пышные телеса.

– Давай сюда свои помидорчики с огурчиками, к водке пойдут на закуску. А самогон, Вась, в комнату носи.

– Ну, подруга, с днем рождения! – Серега торжественно преподнес букет белых хризантем, а Маринка коробочку с духами.

Женщины расцеловались.

Пашка, хотя цветов и не купил, тоже лицом в грязь не ударил, внес в праздник свою лепту: передал Василию пять бутылок пива, а полукилограммовую коробку конфет «Примадонна» вручил Варваре. «Примадонна» Василию сильно не понравилась. Мгновенно переведя шоколадные граммы в алкогольные единицы, с упреком посмотрел на приятеля, – это сколько же еще водки (не говоря уж о пиве) можно было купить! А Варьку подарок тронул.

– Добрый ты, Павлик, – произнесла, косо взглядывая в сторону мужа – учись, мол. Как будто Ваську можно взглядом пронять! – Красивая коробочка. Дорогая, наверное?

Пашка смущенно отмахнулся – чего там, гулять – так гулять! День рождения все-таки. Никто его в гости давно уж не звал. Нет, к Ваське он, часто по-соседски забегал, со школы друзья-приятели. Но одно дело на кухне пиво пить, и совсем другое, когда вот так – накрытый белой скатертью стол в комнате, а на нем салаты в вазочках, красиво уложенные кружки колбасы и треугольники сыра на тарелках. Грибочки, оливье... Он сглотнул слюну. И Серега оценил:

– Красиво. Ты, Варька, молодец.

– Старалась, – кивнула Варвара, передвигая закуски, чтобы освободить место под тарелку с солеными помидорами и огурцами. – Еще и горячее будет, и торт.

Василий, по случаю праздника облаченный в белую рубашку и брюки, нетерпеливо шлепнулся на диван.

– Давайте, рассаживайтесь, где кому нравится.

Первый тост, как положено, за именинницу. Слегка растрепанную от беготни, но довольную, что все путем, все, как у людей – и стол и гости. Второй – за родителей, которые вырастили такую красавицу. Потом за мужа, естественно, который поддержка и опора. Потом за все хорошее... Павел быстро захмелел, да так, что не смог сказать никакого тоста, когда подошла его очередь. Немудрено, целый день голодный бегал. Когда Варвара внесла в комнату поднос с жареными куриными окорочками, обложенными горячей картошечкой, посыпанной укропчиком, тут же навалил себе целую тарелку. Снова выпили. Пошли разговоры. Сергей и Васька работали вместе, им было о чем поговорить. Варвара с Маринкой сплетничали, делились последними новостями. А Пашке и так было хорошо, безо всяких там разговоров. За окном дождь, слякоть, а здесь уютно, тепло, такая вкуснятина на столе – чего еще надо?

Когда выпито было достаточно, и горячее съедено, Варвара унесла на кухню грязные тарелки, оставив только бутылки и салаты, вытерла стол и, оглядев мужчин, неожиданно объявила:

– Пока чай греется, будем играть!

– В бутылочку! – радостно завопила Маринка.

– Мы, что, дети, что ли? – возмутился Серега.

– Чо выдумываешь, какая еще игра? – поморщился Василий.

– А такая! На днях в поликлинике полы мыла, а там девчонки-практикантки в ординаторской перед планеркой играли...

– Варька, брось! – предостерегающе поднял палец Василий. – Сидим культурно, твой юбилей, отмечаем, че те еще надо?

– Да скучно ж, просто сидеть да пить! – крикнула Варвара и повернулась к подруге за поддержкой. – Мариш, ну скажи им!

– Ага, – кивнула Маринка. – Скучно.

– Сейчас книгу принесу и сыграем. Увидите, интересная игра.

– Нам не скучно, – помотал головой Василий. – А если вам скучно стало, и говорить не о чем, так спойте! Маринка, начинай.

– Пусть Варька начинает. Из меня какая певица, – отмахнулась Маринка.

– Маринка после первой бутылки не поет, – хмыкнул Серега. – Не та кондиция. Разве что после второй... а после третьей она тебе не то что споет, а и станцует, верно, Марин? Станцуешь? Как тогда в баре... на столе. Елы-палы! – Серега весело заржал.

– Да, дала ты тогда копоти, – согласился Василий. – Мужик-то тот... сильно пострадал.

– А чего, спрашивается, тянуть ко мне свои волосатые лапы? – взъерепенилась Маринка. – Еще мало получил. Надо было покрепче его лягнуть.

Воспоминания о баре были ей неприятны. Не оттого что она пьяная танцевала на столе, с ней и не такое случалось, а потому что вечер тот закончился большими неприятностями. Сдвинув два стола вместе, сидели тесной компанией, – все свои, – и отмечали... отмечали... они так часто что-то отмечали, что уже и не вспомнишь, по какому поводу был сабантуй. Да и какая разница? Непонятно, откуда в их компании тот старый козел взялся. Вроде бы чей-то знакомый. (Правда, в конце, когда стали вычислять, чей именно, никто так не признался!). Мужик сильно был навеселе. Все норовил ей под юбку заглянуть, когда она, раздухарившись, выплясывала, а потом вдруг – цап за ногу! Ну, она его и пнула слегка. Точнее, просто ногой дернула от неожиданности. И сломала наглецу нос. Случайно вышло. Он в крик, вроде бы

в туалет побежал, кровь смыть, а оказалось, милицию вызвал. Всех и загребли. Пока разобрались что к чему, и кто виноват, пришлось провести несколько часов в ментовке. И все на нее рассердились за то, что вечер испортила. Как будто это ее вина!

– Варька, где ты там? – крикнул Василий, наполняя стаканы. – Давай быстро сюда, выпьем, и ты нам споешь. Ведь, правда, зараза, хорошо поет? – обернулся к Пашке.

– Классно, – сыто икнув, согласился Павел. – А готовит еще лучше. Повезло тебе, Васька.

– Не жалуясь, – кивнул Василий. – Варька! Иди сюда, говорю! Спой нам «По Дону гуляет казак молодой». По заявкам публики.

– Да спою, спою, – отозвалась из соседней комнаты Варвара. – Только сыграем сначала. Говорю ж, интересная игра. Вам понравится. Сейчас, вот только книжку найду... Для этой игры книга нужна.

Василий пожал плечами, удивляясь поразительной глупости жены.

– Да откуда у нас книги? Нету у нас никаких книг, а твои женские журналы я вчера в сарай вынес.

– Это у тебя нету, а у меня есть, – с торжеством в голосе произнесла Варвара и вышла из спальни, неся в руках увесистый том. – Вот, «Путешествие в страну инков». Какой-то – она взгляделась в обложку, – Ма-гус Ин-кас написал.

– Ну и толстенная! – поразилась Маринка. – Полжизни, наверное, ее мужик сочинял. Где такую взяла?

– Где взяла, там уж нет! – Варвара уселась на свое место, и, отодвинув в сторону стакан, положила книгу перед собой.

– В больнице, небось, сперла, – хмыкнул Василий, закусывая огурчиком.

– Да прям-таки! В субботу в третьем подъезде убирала, смотрю, на подоконнике валяется. Ну, думаю, наверное, кто-то из студентов забыл. Там Петровна студентам комнаты сдает.

– А ты и рада чужое прихватить, вместо того, чтобы этим студентам занести, домой приперла, – с притворным осуждением покачал головой Василий.

– А вот и нет, – обиделась Варвара. – Я, между прочим, первым делом, как раз к Петровне и позвонила. А она мне – съехали студенты, общежитие им дали. Ладно, говорю, если что, пусть ко мне за книжкой зайдут, а я ее пока почитаю.

– Читательница нашлась! – фыркнул Василий.

– А с чего мне такую толстую книгу Петровне оставлять? – удивилась Варвара. – Может, студенты и не придут за ней, может она и не ихняя совсем? Я посмотрела, библиотечного штампа нету. Значит, пока ничья. Так пусть она у меня и побудет, пока хозяин не объявится. Если вообще объявится. Значит, слушайте, игра такая: открываешь страницу наугад и читаешь, что на ней написано. Потом закрываешь книжку и говоришь: судьба, судьба, дай ответ, сбудется это или нет? И снова, значит, книжку открываешь. Если попал на ту же самую страницу, ну или рядом, значит, все так и будет, как написано.

– Так это ж практикантки твои не простую книжку открывали! – рассмеялась Маринка. – Есть такая, китайская книжка для гаданий, «Книга перемен», кажется, называется.

– Ничего подобного. Я спрашивала. Девчонки сказали, любая книга подойдет.

– И учебник по математике? – хохотнул Серега.

Варвара обиделась.

– Вам одно развлечение – заливать водку в глотку.

– Да не слушай их, Варька. Не хотят мужики и не надо, сами сыграем, – сказала Маринка. – Я в гадания верю. Когда на картах гадаю, или на кофейной гуще, то, между прочим, многое сбывается.

– И мне интересно, что меня ждет, – неожиданно даже для себя подал голос Павел.

Как-никак, день рождения у человека, отчего не сделать ему приятное?

– Вот с тебя и начнем, – обрадовалась Варвара мужской поддержке, и положила книгу перед Пашкой. – Открывай.

Он послушно раскрыл ее наугад и пробежал глазами несколько строк.

– Ты вслух, вслух читай, – подтолкнула его Маринка. – Интересно же.

– Да чушь тут какая-то, – неуверенно произнес Пашка. – Непонятно, к чему такое...

– Дай сюда, я погляжу, – Маринка потянула книгу к себе. – Это как гадание, тут надо не прямой смысл искать, а то, что за этими словами кроется. Сейчас я тебе все растолкую.

Пашка пожал плечами.

– Не знаю, как такое можно растолковать.

– *«Он шел, едва передвигая ноги, вдоль русла реки, – пока мог. Потом лежал, задыхаясь от влажного смрада, под высоким деревом с широкими листьями, по стволу которого бегало бесчисленное множество насекомых и ящериц, – прочла Маринка и остановилась. – Да, похоже, и в самом деле ерунда, география какая-то... Может, еще раз попробовать?»* – предложила.

– Нельзя, – категорично заявила Варвара. – Надо дочитать страницу до конца, а там посмотрим.

– Ладно, читайте, раз начали, – поддержал Серега. Пользуясь тем, что все внимание сосредоточилось на книге, он, следуя примеру Василия, пропустил очередную внеочередную рюмку самогона. – Маринка все растолкует. Она может, правда, Марин?

– *«Он шел, едва передвигая ноги, вдоль русла реки, – пока мог. Потом лежал, задыхаясь от влажного смрада, под высоким деревом с широкими листьями, по стволу которого бегало бесчисленное множество насекомых и ящериц. Кричали какие-то птицы, какие-то звери подкрадывались все ближе. Еще немного и наступит момент, когда им нечего будет остерегаться. Он отчетливо понимал, что жить ему осталось недолго»,* – монотонно бубнила Маринка.

– Похоронная какая-то книга, – Васька зевнул. – И зачем всякую дрянь в дом тащить?

– *«И в тот самый миг, когда душа уже смирилась с неизбежностью покинуть этот мир, послышались человеческие голоса. Чьи-то проворные руки оцупали его истерзанное тело, потом его подняли, положили на что-то, похожее на одеяло, и понесли. От тряски ему стало плохо, и он потерял сознание. Когда очнулся, увидел пучки сухих трав, которые покачивались над ним, подвешенные к тростниковой крыше; сквозь щели плетеной стены пробивались солнечные лучи. Кто-то приподнял ему голову, чтобы влить в рот немного горьковатой жидкости. Он сделал глоток, и внешний мир снова исчез. Ему казалось, что он проспал всего несколько мгновений, но когда в очередной раз открыл глаза, увидел догорающий перед входом в хижину костер. Было уже ночь. Кто-то сидел рядом, вздыхая и покашливая. Хотелось пить. Словно угадав его желание, к его рту поднесли деревянный ковш с тепловатой водой, и он сделал несколько глотков и снова уснул. Потом снова был день, и было очень жарко. Мокрый от пота, он лежал на травяной подстилке. Солнце просвечивало сквозь листву высокого дерева, видимого сквозь дверной проем. Он повернул голову, силясь осмотреть хижину. И наткнулся на внимательный взгляд выпуклых карих глаз. Сидевший рядом полуголый человек, напоминавший сморщенного гнома, был тощ и очень стар...»*

Василию совсем стало не под силу терпеть эту мутотень. Он вырвал книгу из рук Маринки и швырнул ее за диван.

– Далось вам это гадание! Выпьем лучше.

Что все и сделали.

– А теперь запевай, Варька!

Его вертело, бросало из стороны в сторону, и несло туда, где ширилось, неумолимо расплзалось, росло с фантастической скоростью, заполняя все больше и больше пространства, темное пятно – еще несколько секунд и оно поглотит его. За какие-то мгновения до удара Пашка закричал, нет, завопил во всю силу своих легких... и проснулся. На полу. Он таки действительно падал, но, слава Богу, всего лишь с дивана на пол. Полежал, приходя в себя, не сразу узнавая стены своей квартиры. Его все еще трясло, но уже не от страха, а от холода. Забыл с вечера закрыть форточку, и сквозняки унесли всё то слабое тепло, что давали старые батареи. Надо же, какие кошмары могут с перепоя присниться. Перевернувшись, он встал на четвереньки и, постанывая, принял кое-как вертикальное положение, сделал шаг к окну и захлопнул форточку, после чего снова свалился на диван. Натянул на себя одеяло, желая одного – снова заснуть и проснуться в тепле и в добром здравии. Но заснуть не получалось. Голова трещала, глаза словно песком засыпаны, в желудке мерзким комом ворочалась горсть мелких гвоздей. Надо вставать, надо что-то съесть. А лучше выпить. Пол снова обжег холодом и закачался, но преодолев себя, Пашка добрался до ванной. Похоже, Маринкин самогон все-таки был не самого лучшего качества. Кое-как умывшись и глотнув ледяной воды из-под крана, почувствовал себя немного лучше. Побрел на кухню. Хотя чего было идти – отлично знал, что в доме хоть шаром покати. Вчера, прежде чем набивать сумку пивными бутылками, следовало бы хлеба купить и пакетик чая, пробубнил в голове гадкий трезвый голос. Было бы чем утром голод придушить. Да и бутылку пива не помешало бы заначить в холодильнике. Права была Ленка, повторяя – в те времена, когда они еще жили вместе, – не умеет он мыслить перспективно.

Пашка выскользнул на площадку и клюнул пальцем кнопку звонка. На пороге тут же, – словно поджидала его у двери, – возникла тетя Рая, седой, коротко стриженный колобок в пестром фартуке поверх байкового халата.

– Здравствуйте, тетя Рая. Не выручите?

– Выручу, – бросив на него быстрый взгляд, соседка отступила назад, впуская в прихожую. – Сколько надо-то?

Риторический вопрос. Много все равно не даст. Это и хорошо, много возьмешь – долг не вернешь. А не отдашь – в следующий раз не попросишь.

– Сколько не жалко, – традиционно ответил, закрывая за собой тяжелую, обитую дерматином дверь. – Но лучше столько, чтобы до зарплаты хватило.

Последнюю фразу для себя пробормотал, поскольку Раиса Егоровна уже скрылась в спальне. Но в одиночестве не остался – из кухни с понимающим выражением лица выглянул Иван Игнатич.

– Опять у Лямкиных праздник?

Значит, даже в этом подъезде слышно было, как Варвара с Маринкой горланили. Говорил им, не орите, но им, когда напьются, если слово поперек – самый кайф, всякое «нельзя» только раззадоривает. До одиннадцати, подбоченилась пьяная Маринка, имеем полное право тишину нарушать. Поспорь с ней! Особенно, когда она вот так, сильно навеселе. Ладно бы и в самом деле пели, а то ведь, вопили, как резаные, и частушки были матерные...

– Да так, посидели, – неопределенно ответил, переминаясь с ноги на ногу, морщась от головной боли. – У Варьки день рождения был.

Сосед неодобрительно покачал головой.

– Порезе бы ты туда заглядывал. У них каждый второй день недели или день рождения или Новый год.

– Да нет, на этот раз, правда...

Иван Игнатич недоверчиво хмыкнул. Но ведь день рождения действительно был!

Раиса Егоровна вынесла две бумажки.

– Хватит?

– Должно, – Пашка принял в ладонь потертые купюры и вымучил из себя улыбку. – На хлеб и воду. Потом поститься буду.

Соседка фыркнула.

– И без поста скелет один.

– Как раз на холодец, – примкнул к жене Иван Игнатьич. – Кожа да кости.

– Зато у тебя язык без костей! – шуганула мужа Раиса Егоровна. Не любила, когда кто-то встревал в воспитательный процесс. – Краном занимайся, который уж день капает...

– Новый давно купить надо, – поворачиваясь спиной, недовольно проворчал в ответ Иван Игнатьич. – Все сэкономишь. Этот сегодня отремонтируешь, а завтра он снова потечет.

– Ну, так и купи из своей пенсии-то. Мне, что ли, за кранами бегать? – возмутилась Раиса Егоровна и снова обернулась к Пашке.

– Запустил ты себя, Павлик, инженер, а выглядишь как бомж какой.

– Не инженер, а охранник, – от нравочений головная боль усилилась.

– То-то и оно, – не отступала соседка, – я и говорю, сторожем работаешь, хотя инженер по профессии. Родители – царство им небесное! – старались хорошее образование дать. А ты взял, да все их труды одним махом и перечеркнул – в сторожа подался.

– Вы же знаете, что меня узкотехническая специализация была, – сто раз он ей это разъяснял! – К тому же, на спец производстве, где делали то, на что сейчас спроса нет.

– Сейчас какую хочешь работу можно найти, – упорствовала Раиса Егоровна. – Купи газету «Где? Что? Почему?», там полно всяких объявлений. Кто ищет, тот всегда и все найдет... и место инженера, в том числе.

– Да мне и на моем месте пока неплохо, – вымучил улыбку Пашка, пятясь к двери.

Ему не терпелось побежать в ларек, поскорее пива купить. Но не хлопнешь же дверь, после того, как тебя в очередной раз выручили.

– Голова, Павлик, у тебя светлая, но безалаберная. Потому и живешь, как бомж, питаешься, как бомж, – не успокаивалась соседка. – И ходишь, как бомж.

Взявшись за дверную ручку, мимоходом оглядел себя в висевшем в прихожей зеркале.

– Не на праздник иду, а в ларек за хлебом, – пробормотал. – Одет как обычно, спортивный костюм...

– Был спортивный когда-то, – фыркнула Раиса Егоровна. – Теперь его разве что на пугало огородное натянуть. Штаны драные, резинка разболталась, коленки отвисли. Да и ботинки каши просят, – закончила безжалостно.

Штанов в зеркале видно не было, но Пашка к ним особых претензий не имел. Штаны как штаны, еще ничего. А вот ботинки действительно ставили его в тупик. Если отдать их в ремонт – в чем ходить, пока будут чинить? А не отдать, глядишь, через пару-тройку недель придется по лужам в тапочках шлепать. А точнее, босиком, потому что тапочек у него нет. И не у кого даже на время обувкой разжиться – пока ботинки будут в ремонте – ножка у него сорок шестого размера. Нормальная, в общем-то, при росте в метр девяносто.

– А ты сходи, вон, в этот, как его... в «хенд» этот, – снова высунулся из кухни Иван Игнатьич, с плоскогубцами в руках. – Там почти даром одеться можно.

На этот раз Раиса Егоровна мужа поддержала.

– И в самом деле, сходи, – подхватила. – Вещи там, хотя и из вторых рук, а получше твоих будут. А бывает, что и ненадежные попадают. Стеша, вон, приезжала, купила совершенно новый костюм!

– Приезжала? – слабо встрепенулся Пашка. – А чего ж это я ее не видел?

– Да кого ты вообще сейчас замечаешь? – в свою очередь удивилась соседка. – Живешь как бирюк.

Стеша могла бы и сама зайти, постучать мимоходом в соседнюю дверь, мысленно ответил он. Дружили они в детстве, а повзрослев, в одной компании тусовались. Ему даже одно время казалось, что между ними не просто дружба была. Потом-то он понял, что это просто казалось. С его-то стороны, пожалуй, так точно что-то большее наклеивалось – в юности Стешка красивая была, – только она его быстро на место поставила.

У соседей три дочери. Младшие, близняшки Оксана и Светлана, тоже симпатичные, но до Стешки им, особенно в те времена, было далеко. Тем не менее, они почти сразу после школы замуж повыскакивали, за институтских однокурсников; и мужей и детей давно имеют, и живут в городе, неподалеку от родителей. А красивая и умная Стеша в деревне застряла со времен распределения молодых специалистов. Такие, вот, жизненные парадоксы...

– Замуж не вышла? – поинтересовался, так, больше из приличия.

– За кого? – Раиса Егоровна безнадежно махнула рукой. – В таком возрасте нормальные мужики давно женаты, а всякие недоумки да пьяницы – на кой они нужны?

Последнее замечание почему-то его зацепило.

– Я много не пью, а вот тоже никому не нужен, – пробубнил.

Лучше бы промолчал.

– Это ты пока не пьяница, – уточнила Раиса Егоровна. – Но будешь, если с Васькой водиться не перестанешь. Ты – прежде чем вынести приговор, оглядела Пашку с головы до ног, – ты непутевый. А ведь как хорошо жизнь начинал. И жена у тебя хорошая была. Видная, работающая, чего не жить? Чего, с Ленкой-то разбежались?

– Долго рассказывать, – уклончиво ответил, отступая к двери.

Пора, пора бежать. Завоспитывает.

– Так про какую вы комиссионку говорили? – взглянув на свои ноги, вспомнил уже на пороге.

– Отстал ты, Павел, от жизни. Это раньше комиссионки были. Теперь эти магазины «Сукин хенд» называются, – ухмыльнувшись, пояснил Иван Игнатьич, вытирая полотенцем руки. Теперь, когда дело было сделано, он имел полное право участвовать в разговоре и говорить то, что хочется.

– Очень смешно! – возмутилась Раиса Егоровна. – Не «Сукин хенд», а «секонд хенд». Что означает, «вторые руки».

– Один черт, импортным старьем торгуют. Англичане да немцы всего накупились выше головы, а нового-то хочется. Вот они старые тряпки и сбавляют в слаборазвитые и прочие страны под видом благотворительной помощи. Хотя, на самом деле, исключительно ради собственной выгоды. Чтобы свои немецкие мусорки старьем не забивать и на переработку этого хлама не тратиться. При этом еще благодетелями слывут. А нашим перекупщикам радость – наоткрывали магазинов с этим добром и зарабатывают. На бабах в основном. Их туда как магнитом тянет. От того и называются магазины эти... – скосив глаза в сторону жены, старик сделал паузу и эффектно закончил: – «Сукин хенд»!

Раиса Егоровна на этот раз одергивать мужа не стала, только головой покачала.

– И где этот ваш... «хенд»? – спросил Павел.

– Везде их сейчас полно. Один так совсем рядом, в Банном переулке. Там, где мастерская раньше была.

– Около с шашлычной, что ли? – уточнил Пашка, глотая слюну.

– Да ты голодный! – спохватилась Раиса Егоровна, от которой ничего не могло ускользнуть. – Чаю выпьешь?

Конечно, дальнейшее пребывание у соседей грозило новой порцией нравоучений, но даже чай лучше, чем ничего, а потому Пашка дал задний ход и, сняв ботинки, протопал на кухню, пока угощать не передумали. Когда что-то предлагают, главное – не упустить момент.

Боком втиснулся в щель между столом и холодильником, где еще в детстве сидел. Раиса Егоровна поставила перед ним тарелку и налила чаю. Пашка погрел руки о горячую чашку, потом приподнял ее, рассматривая облезлого, знакомого со времен детского сада, медвежонка на боку. В этом доме ничего не меняется.

– Ешь, пока теплые, – Раиса Егоровна пододвинула поближе к нему круглую горку оладьев. – Сметану бери. Или варенье.

Упрашивать Пашку долго не приходится. Положил себе еще с пяток, и полил щедро вишневым вареньем. Сделал глоток, второй, и замер, чувствуя, как расправляется скукоженный желудок. Еще пара глотков и голову стало отпускать.

– Теть Рая, а к чему вода снится? – вспомнил сон Пашка.

– Вода? Какая?

– Снилось, что я, то ли в реку падаю, то ли в море.

– Вода... – Раиса Егоровна слегка призадумалась.

– ... к водке, – усмехнувшись, подсказал Иван Игнатьич. – Похоже, у Лямкиных очередной день рождения намечается.

– Бегущая вода – к переменам, – вспомнила Раиса Егоровна.

– Хорошо бы к лучшему, – вздохнул Пашка, поднимаясь из-за стола.

После завтрака оптимизма добавилось. И что-то вроде легкого раскаяния проснулось – избегает он соседей, рядом живут, а после смерти матери почти не общаются. «Здратье – до свидания» и быстрее мимо. И всех друзей-приятелей, которых когда-то был полон двор, растерял. Из школьных – только Васька с Варькой и остались, остальные поразъезжались куда-то, исчезли из поля зрения. А новых не завел. Где их найдешь, друзей этих, если ночь работаешь, а днем отсыпашешься?

Он вышел на площадку, и некоторое время постоял в раздумье у своей двери. Хотелось курить, но курить было нечего. Иван Игнатьич не курил, а дома и пол-окурка не найти. Как ни крути, надо идти в ларек. Попутно, кстати, не мешает проверить полученную у стариков информацию насчет магазина подержанных вещей. С этого, пожалуй, и надо начать – осень все-таки. Сбежал вниз по лестнице и, брякнув тяжелой дверью подъезда, оказался под мглистым небом промозглого октябрьского утра. Холодно! Вот-вот или мелким осенним дождем сыпанет, или даже первым снегом. Надо было все-таки зайти домой, куртку прихватить. Ладно, идти недалеко. Сунув руки в карманы и втянув голову в плечи, быстрым шагом двинулся в сторону соседней улицы, перешел ее и свернул направо.

Смотри-ка, и вправду, в старом Банном перемены. И когда только успели ремонт сделать? Стены заброшенной мастерской покрашены в розовый цвет, пластиковые окна забраны узорными решетками, и дверь новая, железная, с английской надписью: «Second Hand». Хорошо живут старьевщики! Павел взбежал на крылечко, потянул на себя ручку и заглянул внутрь.

2

Внутри тоже произошли немалые преобразования. От захудалой мастерской по ремонту бытовой техники и следа не осталось. Тепло, приятная музыка. В неоновом свете многочисленных ламп, плотно прижавшись друг к другу, по периметру всего зала, томились у стен на вешалках костюмы, куртки, свитера. Еще какое-то барахло располагалось кучами на нескольких столах в центре. Неподалеку от входа у длинного прилавка стояли, разговаривая, две продавщицы. Одна толстая, постарше, рассказывала что-то, перекладывая и расправляя детские вещи. Что-то смешное, наверное, потому что другая, помладше и посимпатичнее смеялась, взвешивая на весах какой-то пакет. Весы-то здесь зачем? Может быть, у них тут и продуктами со скидкой торгуют? Неплохо было бы отовариться пусть даже и просроченной тушенкой или, например,

консервированным молоком... Пашка с надеждой повертел головой, но никаких банок не увидел.

– Обувь есть? – приблизившись, вторгся осторожно в беседу.

Толстая продавщица, ткнула рукой в сторону столов, и он медленно двинулся в указанном направлении. Никакой обуви не просматривалось, но переспрашивать не стал, – еще пошлют подальше. Ага, вот она. Поношенная обувка пряталась на полках под столами. Присев, он бегло изучил ассортимент и приуныл. Обувь была в основном, женская. Из мужской все больше какие-то детские размеры, к тому же изрядно поношенные. Так и знал, что сорок шестым и здесь не разжиться. Взгляд его поднялся выше – прямо перед носом оказалась джинсовая гора. Интересно, джинсы у них тоже только для пигмеев? Приподнял одни, вторые. Со штанами дело, обстояло получше, третья пара оказалась внушительного размера и почти новая. Он долго и подозрительно разглядывал их так и эдак, – нет ли какого подвоха в виде замаскированной дыры или пятна на неприличном месте? Но нет, джинсы были целые, поношенные, правда, но чистые.

– Берите, молодой человек, не раздумывая, это же настоящий «Босс»! – произнес над ухом женский голос.

Пашка от неожиданности вздрогнул. Не заметил, как к столам подошла младшая продавщица. Никаких молодых людей рядом не наблюдалось, похоже, она обращалась к нему. Кивнула на джинсы, которые он держал в руках:

– Не подделка. Видите, даже на заклепках стоит «Хьюго Босс».

Какой такой «босс»? С какого-то босса сняли, видно. Дорогие были, наверное, штаны.

– Ну, если подойдут, – промямлил, наконец.

Девушка опытным глазом окинула его фигуру.

– В самый раз будут.

Он неуверенно повертел головой.

– А где примерочная?

– Еще не обзавелись, – усмехнулась продавщица. – Меряйте прямо тут, за столами.

Это что же, на виду у всего магазина раздеваться? Чтобы каждый желающий мог видеть его не совсем свежие трусы? Ну, нет, он на такие подвиги сейчас не готов. Павел еще раз демонстративно критически оглядел джинсы.

– Ну, не знаю...

Девушка повернулась к толстой тетке, натягивающей махровый безразмерный халат на осеннее пальто, и пожалала плечами.

– Фирменная вещь от Хьюго Босса и почти новая! Да ее через пять минут уметут...

И вправду, крепкий парень с досиня выскобленной головой, мявший в руках свитер, услышав магическое слово «босс», тут же сделал несколько шагов в их сторону и протянул руку.

– Можно посмотреть?

Щас!

– Беру! – отрезал Пашка. – Сколько стоят?

– Надо взвесить, – продавщица выдернула у него из рук джинсы, прошла к прилавку и, свернув, положила их на весы. – Двенадцать. – Но тут же, бросив на клиента беглый взгляд, сделала скидку. – Берите за десять.

Ну и ну! Штаны – на вес! Обалдеть можно, о таком он раньше и не слышал.

Парень в ветровке снова оказался рядом. Топтался, сопя.

– А вдруг большие окажутся или маленькие?

Ясное дело, надеется, что не подойдут.

– Это мы сейчас посмотрим, – Пашка направился к столу с самой высокой кучей одежды и, стыдливо пригнувшись, быстро сдернул с себя спортивные штаны и натянул «босса».

Ну, глаз у продавщицы! Наметанный. Как раз впору. Застегнув молнию, подобрал спортивки и вернулся к прилавку.

– Я, это, я в них так и пойду, – сказал, протягивая деньги.

– Сполоснуть бы надо, – заметила продавщица постарше. – Мало ли кто тут в вещах роется. Так и чесотку можно заполучить.

– Да ничего, я мореный, ко мне никакая зараза не липнет, – отшутился Пашка, оглядывая себя в узкое зеркало. Повезло – и вправду, хорошие штаны.

Вдохновленный таким началом, он засунул спортивки в протянутый продавщицей пакет и вернулся к столам. Оказывается, можно без трудностей решить некоторые застарелые проблемы. Через пять минут откопал свитерок практичного черного цвета – на ярлычке у ворота «Френд» написано. И на груди та же надпись. Не новый, но и без дыр. И просторный, и без примерки видно, что как раз на него. Можно сказать, удачный выдался день. Вот только с обувью не повезло.

– Завтра новый завоз будет. Немецкая сборка, качественный товар, – обнадежила молодая продавщица. – Только подходить надо с утра, – предупредила, – все лучшее до обеда разбирают.

3

Дома Пашка еще раз тщательно изучил приобретения. К таким крепким джинсам хорошие бы ботинки и можно смело зимовать. В сером дне забрезжила надежда, в жизни появилась цель. Завтра с утра – обязательно в магазин, решил. Сорок шестой немцы тоже носят. Вот только у кого бы еще деньгами разжиться? После посещения «сэконд хэнда» и хлебного ларька от денег, что занял у соседей, почти ничего и не осталась. Идти к ним снова неудобно. У Вовчика из второго подъезда, что ли, перехватить? Раньше он Вовку тоже, случалось, выручал, когда деньги были, не отказывал. Правда, давненько это было. Теперь Вовка на мясокомбинате работает, машину купил. В любом случае, больше идти не к кому. У Лямкиных разве что рюмкой самогона разживешься. Да и то, если с утра пораньше Васька его не прикончил. А с другими соседями он был в не настолько близких отношениях, чтобы денег в долг просить. Многих и не знал попросту, в последнее время много нового народу в их дом понаехало.

Но, вот Тамару, которая у поломанной скамейки ежилась от холода, облаченная в черную лаковую курточку и короткую, не по сезону юбочку, он, конечно, знал. Девчонка жила в соседнем подъезде, там же, где и Вовчик, только на пару этажей выше. Увидев Пашку, отвернулась.

Давно ли эта Томка во дворовой песочнице рылась! И вот, оглянуться не успел, а у нее рыжая грива на полспины и зеленоватые глаза в черной кайме. Школьницей она всегда вежливо здоровалась, но прошли те времена. Последние пару лет, расфуфырившись, пробегала мимо, не раскрывая рта. Словно и не видела. Он заспешил дальше – и с размаху налетел на Томкину мать, Марьяну, которая как раз выходила из подъезда.

– Извините!

– Да ничего, ничего, – Павел отступил в сторону, уступая дорогу.

Но она отчего-то затормозила и вдруг принялась его разглядывать, закупорив пышными телесами дверной проем.

– Пашка, ты, что ли?

– Кто же еще? – опешил он от дурацкого вопроса.

– Не узнала, богатым будешь!

– Поскорее бы, – хмыкнул он.

Марьяна еще раз оглядела его оценивающим взглядом.

– Работу, что ли сменил? – спросила неожиданно.

– Ну... в общем-то, да, – раздраженный задержкой и необъяснимым вниманием к своей персоне соврал Павел.

– Сразу видно, – Марьяна, непонятно с чего, разулыбалась. – И где теперь на хлеб с маслом зарабатываешь?

– В одной частной фирме, – продолжил он вранье, пытаясь обойти соседку. Но та торчала в дверном проеме, как пробка в горлышке бутылки.

– Кем, если не секрет?

Вот настырная баба!

– Пока секрет! Испытательный срок прохожу, – нашелся, – вот возьмут окончательно, тогда и скажу. Дай пройти, спешу я.

И, чтобы пресечь дальнейшее расследование своей частной жизни, осторожно отодвинул соседку плечом и в образовавшуюся щель быстренько протиснулся в подъезд. Поднимаясь к Вовчику, недоумевал, с чего это Марьяна вдруг вздумала его расспрашивать? Не все ли ей равно, где и что он делает? Не друзья, и не товарищи. Ну, живут давно в одном доме. Но это еще не повод лезть в личную жизнь человека. Вот он – он же не интересуется ее жизнью. И никогда не интересовался. Как-то не пересекались они никогда в смысле общения. Во-первых, она старше, во-вторых, горластая очень. Профессия отпечаток накладывает, Марьяна много лет в овощном магазине на углу работала. Продавщицей. Обвешивала вечно всех.

Вовчик, на счастье, оказался дома. И при деньгах.

– Через неделю отдам, – сказал Пашка.

– Да ладно. Можешь не спешить, – великодушно махнул рукой Вовчик. – Не велика сумма.

– Да нет, я точно отдам, – нахмурился Пашка. – Слушай, тут я эту продавщицу из овощного встретил, не узнать. То в грязном халате по улице шастала, а сейчас прямо тебе дама.

– Марьянку, что ли? Так она давно уже не в магазине работает, а в этом... в бюро, как его... по обмену и продаже недвижимости.

– Похоже, теперь по крупному клиентов обсчитывает.

– А то! У них там знаешь какой процент от каждой купли-продажи? Обрабатывают какого-нибудь лоха, который сам не догадается объявление в газету дать, а прет в агентство, – вот тебе за каждую сделку и пара-тройка тысяч зеленых в кармане, а то и больше, если рыба крупная.

– Кто же им такие деньги дает? – не поверил Пашка. – И за что?

– За то, что покупателя на квартиру нашли. Или за то, что квартиру помогли нужную купить. А еще сами старые квартиры выкупают, делают ремонт, а потом продают в два-три раза дороже, – перечислил всезнающий Вовчик. – Ты думаешь, с чего вдруг контор этих развелось, на каждом углу? Выгодное дело!

Умеют же люди устраиваться, думал Пашка, возвращаясь от Вовчика.

И вдруг... он даже приостановился от страшной догадки. Вот именно! Уж не положила ли Марьяна глаз на его двухкомнатную? После смерти матери Пашка жил в ней один. Один – в хорошей просторной квартире. Метраж «двушек» в старых сталинских домах больше, чем в современных трехкомнатных квартирах. Кухни большие, потолки высокие, две кладовых, коридор – хоть на велосипеде катайся... Как пить дать, Марьяну заинтересовала его квартира! Хваткая баба! Он тут же вспомнил недавно виденную телевизионную передачу, в которой рассказывали, как добрые тети и дяди из подобного агентства разыскивали одиноких стариков или пьяниц с большими долгами по квартплате и предлагали продать жилье. Взамен сулили прямо горы золотые – и квартиру меньшей, ясное дело, площади, но без долгов, и энную сумму в придачу... А потом их клиенты внезапно оказывались на улице. Поскольку владельцы обещанной им квартиры «меньшей площади» ни сном, ни духом не ведали, что их жилплощадь меняется или продаётся. И никак доказать, что их надули самым бессовестным образом, у бедолаг не получалось. Оставались они и без квартиры, и без документов. Иных даже мерт-

выми находили. Умершими, якобы, от избыточно выпитого спиртного. Или от инфаркта. Или еще от чего-то. Тьфу-тьфу-тьфу! – суеверно сплюнул Пашка через левое плечо и свернул в кармане дулю. Шиш тебе! Во-первых, он пока еще, слава Богу, не старикашка какой-нибудь, да и не пьяница, которого легко объегорить. Во-вторых, долги свои за квартиру заплатит. С первой же полочки. Ну, не все сразу, конечно, там просто страшная сумма накопилась.

Ох, в самом деле, надо начинать платить!

4

Но благим его намерениям сбыться было не суждено – на следующий день Павел Петрович Шумаков работу потерял. Завод окончательно пал, и оставшихся сотрудников увольняли в срочном порядке. На крепкие здания за высокой кирпичной оградой положил глаз крупный торгово-промышленный концерн. Толпившиеся в коридоре рабочие говорили о строительстве каких-то линий по переработке овощей и фруктов. Вот тебе и жизненные перемены. И впрямь, вещим сон оказался.

– Как же это так? – возмущался Пашкин напарник Олег. – Надо как минимум за две недели предупреждать, чтобы мы могли работу найти! Прямо беспредел какой-то!

– Оставайся, – согласился кадровик. – Как раз еще на две недели нужны люди, ящики упаковывать и машины грузить. Только тогда на компенсационные выплаты не рассчитывай. Ну, что, согласен?

– Еще чего, – обиженно пробормотал Олег и, вслед за Пашкой, направился в бухгалтерию за расчетом.

Павел к такому повороту событий был, в общем-то, готов, об этом давно поговаривали, но все-таки надеялся, что это случится не вдруг и не накануне зимы. И слушая пререкания конторских с рабочими, недовольными суммой выплат, ворчание Олега и последние указания начальника охраны, вдруг понял, насколько по душе была ему только что утраченная работа. Обошел вверенную территорию, телевизор посмотрел или почитал необременительный для мозгов детектив, которыми в больших количествах снабжал его тот же Олег, и утром, с чистой совестью, сдал смену. Спокойная жизнь была! И вот этой спокойной жизни пришел конец. Что теперь делать?

Пятнадцать лет назад завод специзделий был одним из самых престижных мест работы не только в городе, а и в целом регионе. Работал на ВПК, военно-промышленный комплекс, то есть. Он, молодой специалист, придя туда после университета, был зачислен инженером конструкторского бюро, и имел хорошие перспективы продвижения по службе.

– Я в контору ходил, как белый человек, в костюме и галстуке. И зарабатывал по тем временам нормально, кроме оклада двадцать пять процентов ежеквартальной премии, – жаловался он Ваське.

Они сидели вдвоем на кухне за бутылкой белой. Варвара на этот раз к ним не примкнула, смотрела в комнате мексиканский сериал. Она их ни один не пропускала. А может, не хотела лишний раз продемонстрировать густо припудренный синяк под глазом. Неудобно было.

– Да не переживай ты так, – Васька разлил водку по стаканам. – На нашем базаре всегда есть вакансии. И рядом, на транспорт не будешь тратиться. Ну, за нас, непотопляемых!

Пашка выпил, но легче от Васькиного лекарства не стало. С увольнением исчез последний оплот стабильности в его жизни – работа.

– Пятнадцать лет на этом предприятии и вот... – махнул рукой, чувствуя, что еще немного, и у него из глаз потекут слезы. Что за жизнь такая? – Ну, ты подумай, это в каком государстве так наплевательски относятся к хорошим инженерам? Я же редкий спец, ты знаешь, я не вру. И что? Кто это ценит в этой стране? Сначала КБ закрыли, потом цеха, потом

инженерной должности лишили, и это после того, как я на оборонку столько лет проработал! В сторожа перевели! А теперь и вообще сказали, катись на все четыре стороны. Мне, инженеру!

– Сейчас толковых ребят везде разгоняют, – согласился Васька. – Я вот, тоже когда-то техникум железнодорожный почти закончил, ну и что? Сейчас никто никому не нужен. Ни инженеры, ни моряки, ни всякие там физики-химики, и даже врачи. А также колхозы-совхозы и целые заводы. Но мы не пропадем, – заключил на оптимистической ноте. – Назло им всем будем жить. Выпьем за это!

Выпили. Потом еще. И снова говорили о жизни.

– Нет, ну ты подумай, – взывал он к Ваське, – это же абсурд, закупать за границей то, что проще делать здесь. Мелочь всякую, дрянь, которую любая мастерская может запросто делать здесь, закупают за границей!

– В Турции! Или в Китае, – поддакнул Васька, снова наполняя стаканы.

– Пустить по миру – в прямом смысле – армию классных работников! Сколько народа уехало за бугор! Только из нашей школы человек, наверное, десять, это только из тех, кого я знаю...

– Катька Морозко в Италии, нянькой в семье работает, – кивнул Васька. – А, между прочим, филфак закончила. Братья Василенки в Испанию подались на строительные работы. Эх, был бы я строителем, тоже бы поехал. Говорят, вино у них дешевое и по качеству не чета нашему. И пьют его там вместо воды, климат-то жаркий. А из крепких напитков – кальвадос. Не водка, конечно, но тоже ничего.

– ... А кто не может или не хочет уехать, идет на какие попало работы, чтобы хотя бы как-то держаться на плаву. И естественно, теряет квалификацию...

– Само собой, – кивнул Васька. – Чтобы держать квалификацию, работать надо. Без этого все забудешь. Квалификация разве что сторожу не нужна.

– Я и охранником хорошо работал, – возмутился Павел. – А меня – раз и уволили! Заметь, вторично! Как собаку, на улицу! И никакого тебе профсоюза, который встал бы на защиту прав рабочего человека.

– А ты, что, раньше с него что-то имел? – удивился Васька. – Такие как ты никогда ничего не имели и иметь не будут. Зубы не те, и когтей нет.

То ли от Васькиных слов, то ли от еще одной рюмки, но Пашкин гнев начал угасать. В самом деле, что изменится от его пыхтенья?

Посидев у Лямкиных, он отправился в ларек, купил две бутылки пива и, вернувшись, завалился на диван. Некоторое время смотрел на мелькание цветных пятен на экране, не вникая в суть передачи, а потом уснул под тихое бубнение какого-то фильма. Проснулся посреди ночи от треска и шипения, – кончились даже ночные фильмы. Выключил телевизор, но снова заснуть не удалось. Так и пролежал до утра, глядя в проем окна и думая невеселые мысли.

Какой же он идиот был, молодой, наивный идиот, верил, что его личная жизнь в дальнейшем будет только улучшаться. Что к сорока годам будет ездить на работу на собственном авто (не на дребезжащем от старости «запорожце», как отец, а на новой машине, может быть, даже на «Волге»), а по выходным, с утра пораньше – на рыбалку. Летние отпуска всей семьей будут проводить где-нибудь на море, а зимние – в заводском доме отдыха, который имел свой корпус в лесу и был оснащен не хуже многих курортов. Он это знал, поскольку сам там аппаратуру в физиотерапевтическом отделении устанавливал.

И вот, оглянуться не успел, сорок стукнуло; родители умерли, – он был поздним ребенком, – пара старых костюмов пылится в шкафу, из инженеров он попал в охранники, беспомощный как сейчас, так и в перспективе. Даже велосипеда у него нет. И жены нет, не говоря уж о детях. А теперь и работы никакой нет. Он протянул руку к стоящей у дивана бутылке с пивом, но она оказалась пустой. Даже выпить нечего. Ничего у него нет. Ни-че-го. И Павел заплакал.

А на следующий день уже ходил с Васькой по рынку – помогал с разгрузкой – погрузкой. Ничего сложного, объяснял Василий, утром развез товар по прилавкам, а в конце рабочего дня, когда продавцы упакут сумки и коробки, снова грузи его на тележку и тащи на склад. В первый день показалось, что работа ничего себе и оплата неплохая. Вернулся домой даже довольный. Спал крепко и безо всяких гнетущих мыслей. Но к концу недели понял, что это не для него. За такую работу никаких денег не захочешь. Мышцы ныли как в армейские времена после марш-броска с полной выкладкой.

– Пройдет, – равнодушно утешил Васька. – Меня тоже сначала после каждой смены корежило. Потом привык.

Пашка привыкать не хотел. Надорвешься еще, потом всю жизнь только на лекарства и будешь работать.

Тут еще зима наступала не по календарю рано, погода портилась день ото дня, дождь то и дело сменялся снегом, – и это в начале ноября! – подули ледяные ветры. А что будет через пару недель? А в декабре? Конечно, он еще поработает – куда деваться? Если долги за квартиру еще могли потерпеть, то за телефон и свет надо было заплатить немедленно, еще день-два и отключат. А без электричества не жизнь, а пещерное существование. Но зиму ему на рынке ни за что не продержаться.

Толкая перед собой тяжеленную тележку, Пашка вспомнил вдруг совет Раисы Егоровны. В самом деле, надо попробовать. Если кто-то пишет объявления, значит, кто-то кому-то где-то нужен. Может быть, и он пригодится.

Следующим утром, растащив тюки и ящики с товаром по прилавкам, перед тем, как идти домой обедать, купил в киоске еженедельник «Что? Где? Почему?». Толстая оказалась газета. Дома не раздеваясь, шлепнулся на диван, развернул ее и поразился. Было чему удивляться – шестьдесят страниц одной рекламы и объявлений! Как жизнь изменилась-то! Раньше в областной газете давали только театральную и кино-афишу; из прочего можно было прочесть лишь «утерянный диплом считать недействительным». А теперь читать – не перечитать. Одних разделов, наверное, штук пятьдесят: «Обучение», «Услуги», «Куплю», «Продам»... Даже раздел «Знакомства» есть. Ну, знакомиться ему уже поздно. А может быть, еще рано... хотя все-таки интересно почитать, кто там кого там ищет.

«Желаю познакомиться с состоятельным мужчиной-автолюбителем для приятных встреч. Студентка, 23/167/60». Студентка! А уже без совести. Точнее, без комплексов. Надо же, даже параметры указывают. «Женственная голубоглазая блондинка 35/165/65, без проблем, разведена, познакомиться с состоявшимся мужчиной, обладающим душевным и материальным магнетизмом...» Раньше все больше на дискотеках знакомились, а сейчас по объявлению. И ищут не любви, а «материального магнетизма»!

Хотя нет, похоже, не все. Вот, прямо крик, а не объявление: «Ненаглядный, где ты? Если душа в отчаянии, а сердце не научилось любить – отзовись! Жду и томлюсь! Позвони мне, позвони! Надеюсь, что наша встреча с тобой, мой единственный, обязательно состоится!» Павел сочувственно покачал головой – дай-то Бог! «Нетрадиционная пара ищет пару бисексуалов для приятного времяпрепровождения...» Фу-ты, оторвы какие! Мало им друг друга. «Страстная тигрица». И что? Он замер, разглядывая эти два слова и чувствуя, как почему-то начинают гореть уши. Страстная тигрица. И номер мобильного телефона. Вот это да! Два слова всего, а как зацепило!

Затряс головой, сбрасывая наваждение. Что-то он увлекся. А дело не ждет. То есть, наоборот, ждет какое-то дело, нужно только его отыскать. И таится оно, само собой, не в разделе знакомств, а под заголовками «Требуется» и «Работа». Здесь тоже объявлений более чем достаточно. Надомная работа: сборка шариковых ручек. Требуется курьеры, разносчики газет... Строительные работы: каменщики-монтажники, арматурщики-бетонщики, агрегатчики, штукатуры, слесари-сантехники, прорабы и плотники... Перескакивая взглядом

со строки на строку, он внезапно ощутил в себе прямо-таки охотничий азарт. Не может быть, чтобы в таком развале профессий он не нарыл себе что-нибудь стоящее. Опять же, перспектива завтрашнего дня с перетаскиванием тяжестей с места на место никак не радовала. Сварщик с опытом работы. Грузчики... Ну нет, только не это! «Дистрибьютерской компании требуются менеджеры по продажам, мерчендайзеры». Что бы это значило? Позвонить, узнать, что ли, смеха ради? Хотя, ему сейчас ой как не до смеха. Менеджер по работе с клиентами. Опять не то. Тем более берут только до 30 лет. «Инженер по холодильному оборудованию, знание ПК, до 35 лет». Холодильное оборудование дело денежное, жаль не совсем по его профилю. «А это объявление увидят тысячи, но на работу мы возьмем 30 человек до 28 лет. Звоните». Блин, а старше, что, уже с вашей работой не справятся? И главное, что за работа, не пишут. Ладно, идем дальше. Телемастер, монтажник кондиционеров... Ага, вот оно! Кажется, то, что нужно: требуется охранник в солидное предприятие. Солидное – это хорошо, значит, деньги там крутятся, и платить, возможно, будут нормально и вовремя. Подчеркнув объявление, чтобы не потерять, Павел тут же набрал номер. Ответили сразу – хорошая примета.

– Я по объявлению... – откашлялся. – По поводу работы.

– В армии служили? – без предисловий поинтересовался прокуренный женский голос.

– Естественно.

– Физическая подготовка?

– В норме.

Голос задал еще несколько вопросов, после чего пригласил прийти на собеседование – с документами.

– Ресторан «Ночная звезда» знаете? – Павел хмыкнул, еще бы не знать! Рекламу то и дело по телевидению крутят. Самый большой в городе. – Наш офис в этом же здании, – сказала женщина. – От центрального входа в ресторан поверните за угол направо, увидите серую дверь.

– Когда приходите?

– Да хоть сейчас, – пробасила трубка.

– Я сегодня приду, – торопливо сказал он.

Не позже трех, уточнил голос. Почти ликуя, Пашка положил трубку – надо же, получилось! С первого захода получилось! Ну, не совсем, тут же одернул себя, его еще пока не взяли. Но шанс есть. Где тут дерево? Наклонившись, постучал по ножке стола – чтобы не сплзнуть. Читать объявления дальше было некогда. Срочно перекусить и на рынок – Ваську предупредить, что сегодня больше не придет, попросить, чтобы тот, Пашкиных клиентов обслужил, товар в ангар отвез. Наверняка Васька обозлится, но вряд ли откажется. Лишние деньги всегда кстати. Васька здоровый, как бык, и на рынке, как рыба в воде, но Пашке такая работа не по душе. Он прошел на кухню, вылил на сковородку остатки подсолнечного масла, накромял колбаски, разбил четыре яйца. Когда яичница была готова, поставил сковородку на подставку на стол и вывалил сверху полбанки кабачковой икры. Завтрак холостяка.

После погрузочно-разгрузочных работ его единственная куртка приобрела просто печальный вид. В такой одежде появляться на собеседование никак нельзя. В «секонд-хэнд» опять зайти, что ли? С беспокойством взглянул на часы – успевает? Половина первого. Если быстренько...

Горы на столах увеличились – тряпья стало еще больше. Народу немного, в основном женщины, сосредоточенно перебирающие все эти кофточки, курточки и свитера. Он с тоской огляделся, как только они здесь ориентируется? Жизни не хватит перелопатить все это. Может, продавщицы помогут?

– Мне бы куртку... большого размера.

– Мы тут сортировку не проводим, – вскинулась та, что постарше, но, взглянув на Пашку, тут же сбавила тон. – Слева. И большие размеры и маленькие.

Он отправился в указанный угол и обреченно уставился на висящие на вешалках куртки. Джинсовые, хлопковые, кожаные... белые, черные, синие... совсем драные и не очень. Уже через десять минут то ли от их количества, то ли от противного запаха дезинфектора, исходящего от одежды, его просто замутило. Похоже, у него на этот магазин развивается аллергия. Не в силах больше видеть весь этот пестрый хлам, он заторопился к выходу. Да и времени уже половина второго, а еще доехать надо. Черт с ним, пойдет на это собеседование и в старой куртке. В конце концов, снимет ее в коридоре.

– Молодой человек! – у самого выхода чья-то рука потеребила его за рукав.

Он оглянулся.

– Вы, вы, молодой человек, – заискивающе кивала маленькая кругленькая фигурка, с черной одежиной в руках. – Примерьте плащик. Пожалуйста. Для сына хочу купить.

– А ваш сын, что, сам его примерить не может? – хмуро поинтересовался Павел.

– Да его сюда и на веревке не затянуть! Стесняется. А носить-то что-то надо. Примерьте, молодой человек, уж сделайте одолжение, – просительно бормотала толстуха. – Сын почти вашего роста. Прошу вас, пожалуйста.

Мысленно ругнувшись, он сдернул куртку и натянул плащ. Женщина, привстав на цыпочки, быстро и ловко застегнула на нем пуговицы и отошла в сторону, разглядывая его так и эдак.

– До чего же вещь хорошая! И совершенно новая! Только, вот, – с сожалением покачала головой, – на сына, пожалуй, маловата в бедрах будет, он у меня, как и я, немножко в теле, а вы так совсем худой. А на вас хорошо сидит! Покупайте.

Расстегивая пуговицы, Павел замотал головой.

– Я плащи не ношу. Мне нужна куртка...

– Молодой человек, куртку вы в любой момент себе купите, – перебила, возникшая ниоткуда, старушенция в лиловом жакете. – Их сколько угодно, каких угодно! А такую прекрасную добротную вещь не часто, скажу я вам, встретишь. Я такую вещь вообще впервые вижу, хотя по магазинам каждый день хожу.

– Фирменная, – согласилась молоденькая продавщица. – Не какой-нибудь турецкий или китайский ширпотреб! Там под воротником лейбл есть, «Эм энд ю» написано. Одна из самых крутых европейских фирм! Просто поразительно, что такой плащ оказался в сэконд-хэнде. Практически новый! Вам просто повезло!

Павел подвигал плечами и вдруг ощутил удивительную комфортность новой вещи. Тепло. Уютно. Не сравнить с его курточкой. Засунув руки в карманы, в одном из них нащупал какую-то картонку. Бирка, что ли? Может быть, это и в самом деле, совершенно новый плащ? Но если достать этикетку на глазах у продавщиц, они еще, не дай Бог, цену взвинтят. Преодолев желание тут же посмотреть, что он нашел, Пашка наклонил голову, и сделал вид, что рассматривает край.

– А вот тут сверху пуговицы нет, – заметил вдруг и наклонился, рассматривая пуговицы. – Где я такую блестящую, да еще с буквами найду?

Продавщицы переглянулись, удивляясь его глупости.

– Этих пуговиц разных сейчас как грязи! Берите, – покачала головой та, что постарше. – Только сегодня этот плащ человек десять, наверное, примеряли, только никому почему-то не подошел – одному велик, другому мал. А на вашей фигуре сидит так, будто специально для вас шили.

– Теплый плащ, на подкладке, а ткань какая! – убеждала молоденькая. – Тем более, дождь опять начинается. И вам, в самом деле, очень идет. Вы в зеркало на себя посмотрите! Ближе, ближе подойдите.

Павел приблизился к зеркалу. Оттуда на него пялился какой-то пижон в черном, с дурацкой ухмылкой на небритом лице.

Экипировавшись так неожиданно, он вышел на улицу и под мелким морозящим дождем быстро зашагал к остановке. Зайдя под козырек, вытащил из кармана картонку. На этикетку непохоже. Скорее, какая-то карточка. Не кредитка, но, судя по всему, штучка важная. Ламинированная поверхность, какой-то номер, три крупных буквы и замысловатый рисунок. Так и не разобравшись, что это такое, засунул карточку во внутренний карман. Потом разберется. Еще раз оглядел плащ. И в самом деле, до чего теплая вещь. Хорошая, и сразу видно, что дорогая, ткань. В нем он и выглядит представительнее. И как ни странно, у этого плаща напрочь отсутствовал запах дезинфекции, от которого его просто мутило в магазине.

Сев в подошедший троллейбус, он покатил в другой конец города. Конечно, хорошо бы работать днем, а ночью спать, как все нормальные люди делают. Только он не знал, кем и где его взяли бы. Везде нужны молодые, которых еще можно учить и переучивать, а ему уже сорок, силы еще есть, но не те, чтобы начинать с начала.

На одной из остановок в троллейбус ввалилась толпа подростков. Они сидели, стояли за его спиной, и плавному течению мыслей пришел конец. Рты, похоже, в этом возрасте никогда не закрываются, подумал Павел. Несут какую-то чушь, смеются неизвестно над чем. Шуточкам конца нет, постоянно, как они выражаются, прикалываются друг над другом. Столько в них молодой дурной энергии – позавидовать можно. И говорят как на иностранном языке, ни черта не поймешь. Вначале думал, что о фильмах говорят. Но что это за фильмы, в которых ты – действующее лицо? Потом до него дошло, что о компьютерных играх. Он даже оглянулся на них – с уважением. Они знали и умели то, что ему было недоступно. Новая генерация. Другое мышление. Куда уж до них! Хотя он и был инженером по образованию, ему теперь, наверное, до конца жизни осталось только склады и охранять. Отстал он от жизни, отстал. Ватага вывалили на очередной остановке, и в салоне снова стало тихо. Да ладно, пытался подбодрить себя, глядя на подростков в окно, они тоже не вечно будут молодыми. Вообще, он их не понимал. Может быть, если бы у него были дети, он был бы к ним ближе. А так – они для него как пришельцы какие-то. Как не от мира сего, с этими затычками от плееров и телефонов в ушах. Ладно, одежды – молодежь всегда старалась выделиться. Но эти безобразные татуировки у девушек! Пирсинг еще этот! Иной раз и смотреть страшно, уши, губы, щеки, пупки продырявлены, колечки и бусины, как у папуасов, где надо и не надо, везде натканы. У соседнего подъезда иногда собираются, сидят на лавочке, у каждого по бутылке пива или ледяной синтетической бурды, к которой время от времени они прикладываются. Это на улице, в такой-то холод! Нет, чтобы в доме, культурно, за столом.

Он вышел из троллейбуса, и мысли его сразу потекли в другом направлении. Он взял курс на ресторан, к центральному входу, на ходу репетируя выражение лица. Надо понравиться. Надо во что бы то ни стало понравиться. Интересно, что за объект придется охранять, если его возьмут-таки на работу? Бог ты мой! Ясное дело, «солидным предприятием» является, конечно же, сам ресторан. Как он сразу этого не понял? Чей офис может располагаться в здании этой самой «Ночной звезды»? Правильно, только офис ресторана! Хотя может быть, при этом ресторане есть еще какой-нибудь склад продуктов? Тоже неплохо. Он прибавил шагу. Ладно, что там загадывать – сейчас узнаем. Если работа действительно в ресторане – чего еще желать в холодную зиму? И при деле, и всегда сыт будешь. Готовят, наверное, в таком заведении здорово. Сглотнул слюну. Надо будет внимательнее посмотреть рекламу, которую крутят по телевизору. Наверняка там... Додумать мысль о том, какие блюда предлагает ресторан «Ночная звезда» ему не удалось. Ноги внезапно разъехались, он поскользнулся и, теряя равновесие, как пить дать, грохнулся бы затылком на каменную, мокрую от дождя дорожку, если бы сзади его внезапно не подхватили чьи-то крепкие руки.

– Не падать, не падать, – прогудел над ухом бас.

Пашка оглянулся, чтобы поблагодарить его обладателя за помощь, и вдруг узнал в толстом, коротко стриженном мужике знакомого с давних школьных времен.

– Неверский? Ты, что ли?

Толстяк взгляделся в лицо Пашки.

– Шумаков? Пашка?

Действительно, это был Неверский, с которым они одно время вместе ходили в шахматный клуб. Они и учились в одной школе, но в школе как-то не особо общались, поскольку Неверский на два класса впереди был.

– Вот так встреча! – Неверский рассмеялся и покачал головой. – И как ты только меня узнал? Никто не узнает. Даже те, с кем всего пару лет не встречался. Говорят, сильно переменялся и растолстел.

– Ну, не настолько, – слегка покривил душой Павел, – чтобы уж совсем не узнать.

– И я тебя сразу узнал, – кивнул Неверский, – хотя целую вечность не виделись.

– Лет десять, наверное, – предположил Пашка.

– Больше, лет пятнадцать, – поправил Неверский и отступил в сторону, разглядывая. – А ты неплохо, неплохо сохранился. Прямо законсервировался с тех самых юных лет.

– Да уж, – смущенно улыбнулся Павел, ощущая некоторую неловкость оттого, что выглядит моложе толстого и полысевшего однокашника.

Впрочем, несмотря на возрастные изменения, выглядел Неверский совсем неплохо. Под ворсистым пальто дорогой серый костюм, на ногах блестели лаком шикарные ботинки. На толстом пальце левой руки золотой перстень с мелкой сыпью белых камешков.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Неверский. – Все в почтовом ящике работаешь?

– Уже нет, – признался Павел. – Закрылась лавочка. Все распалось еще в начале девяностых.

– Да, государству сейчас не до армии. Значит, в бизнесе?

С чего это он взял? Он, что, похож на бизнесмена?

– Да, есть дело... – промямлил Павел, лихорадочно соображая, что бы такое соврать, что звучало более-менее правдоподобно. Но врать не пришлось. Глаза Неверского внезапно вспыхнули, и он неожиданно крепко, словно боясь упустить, ухватил давнего приятеля за рукав.

– Слушай, да тебя мне сам Бог послал! – Голос его зазвучал возбужденно. – Я как раз иду и голову ломаю, кого бы привлечь к одному делу. И тут ты являешься, собственной персоной! Ты же университет заканчивал...

– Радиотехнический факультет, – осторожно уточнил Павел.

– Тем более! Не очень спешишь? Можешь уделить пару минут?

– Ну, в общем-то, да, – кивнул Павел. – Но только действительно пару минут. Я, понимаешь, иду...

– Обедать? Так и я обедать иду! – обрадовано сообщил Неверский. – Вот что, пообедаем вместе...

– Нет, – решительно покачал головой Павел. – Сейчас никак. У меня срочная встреча назначена, на три часа. Очень важное дело.

Круглое лицо Неверского приобрело почти жалобное выражение.

– Ну, позвони, скажи, что задержишься. Скажи, встретил старого друга, который завтра отбывает в Сибирь. Надо проводить. Звони.

– Да откуда тут звонить? – заглядывался Павел.

– У тебя, что, мобилы нет? – удивился Неверский.

– Дома... забыл, – покраснел Пашка.

– С моего звони. Звони, – настойчиво повторил Неверский, доставая из кармана мобильник.

– Я и номера не помню...

Неверский тут же уловил в его голосе растерянность.

– Тем лучше, – он сунул мобильник обратно в карман, и, подхватив Павла под руку, настойчиво повлек его к входной двери. – Задним числом всегда легче оправдываться. Идем. Я угощаю. Пообедаем, заодно и о своем деле расскажу.

– Но...

– Слушай, мы же сто лет не виделись.

Швейцар, завидев Неверского, широко распахнул старинную дверь.

– Здравствуйте, Алексей Иванович!

Неверский кивнул и сбросил пальто в услужливо подставленные руки. Павлу ничего не оставалось делать, как тоже раздеться. Те же руки с уважением приняли новый плащ Павла и бережно определили его на вешалку.

Ладно, работа, надо думать, не волк, не убежит. А убежит, другая найдется. И вообще, еще неизвестно, что там за работа. А хорошо пообедать не каждый день удается. Тем более, угощают.

Едва они уселись за столик у окна, как рядом возник официант и с легким поклоном положил перед ними кожаные книжицы с золотым тиснением. Неверский смотреть меню не стал.

– Мне, Дима, как всегда. Суп из шампиньонов, салат и ростбиф. А ты что будешь? – повернулся к Пашке.

– Мне все равно, – поспешно откликнулся тот. Ему и в самом деле было все равно, поскорее бы только что-нибудь принесли. – Пожалуй, то же самое, что и тебе. И... водки, если можно, сто грамм.

– И водки, – кивнул Неверский официанту. – На одного, грамм двести. Я сегодня не пью – за рулем. Мне бутылку минеральной и апельсиновый сок. Так, чем ты, говоришь, сейчас занимаешься?

– Кое-каким... ремонтом оборудования, – нашелся Павел.

Это была не совсем ложь. Он и вправду кое-что ремонтировал по просьбе Олега. – А ты где?

– Ну, там, где и все теперь – в бизнесе, – рассмеялся Неверский.

6

Между переменах блюд, Неверский продолжал расспрашивать Павла о том, чем тот занимался на военном заводе.

– Мне твои военные тайны неинтересны, – объяснил. – Меня интересует, что ты делать умеешь.

О себе рассказывал хотя и скупно, но достаточно, чтобы для Пашки обозначились основные вехи его жизненного пути. Закончив мединститут, Неверский вскоре безболезненно – быстро понял, что хорошего врача из него не получится – расстался с медицинской практикой, но в сфере медицины остался. Начинать, как и многие, с мелкой торговли лекарствами, имел несколько лотков в разных больницах. Потом сделал упор на торговлю другим, специфическим, товаром, начал возить из-за границы запчасти к медицинскому оборудованию. В те времена больницы и медицинские центры, как могли, латали то, что осталось со времен советской государственной медицины. Новое оборудование, особенно импортное, стоило баснословных денег, которых в медучреждениях не было. Может быть, он и по сегодняшний день торговал бы аспирином и возил бы запчасти к устаревшему оборудованию, если бы в один прекрасный день ему в голову не пришла блестящая мысль делать кое-что своими руками и продавать. Он открыл мастерскую, нашел нескольких умельцев, и они стали собирать несложные приборы,

копируя западные образцы, и продавать их по доступным ценам. Заработав первые настоящие деньги, купили кое-какое оборудование, и перешли к более сложным вещам. Закупали импортные детали, дополняли тем, что умели делать сами и, обозначившись, как совместное с немцами предприятие, стали развозить свои изделия по городам и весям. Товар расходился хорошо. Заработав больше, перешли к еще более сложным вещам. И к настоящему моменту Неверский с сотоварищи имел очень неплохой бизнес с филиалами во многих городах республик постсоветского пространства.

– Наш последний аппарат стоит двадцать тысяч. Тем не менее, на него много заявок. Потому что подобный американский, самый примитивный, заметь, стоит двести тысяч долларов. А те, что получше, за полмиллиона зашкаливают. Разницу улавливаешь? Короче, первая партия неплохо разошлась, но, сам понимаешь, аппарат новый, не обкатанный, много нареканий, то и дело вызывают наших мастеров устранять неполадки. А это немалые денежки, если учесть протяженность территорий, по которым расходится наш товар. Сборщики говорят, что некоторые немецкие детали не хотят работать с нашими. Конфликтуют. Нужен спец, который бы занялся этой проблемой.

– Попробовать можно, – осторожно согласился Пашка, все еще не веря, что эта встреча может дать что-то большее, чем просто отличный обед. – Нужно посмотреть. Может быть, мне уже и не по зубам будет. Я ведь с высокоточной техникой давно не работаю, – честно признался.

– Ознакомишься. Если сам не сможешь, может быть, у тебя есть кто-нибудь толковый на примете? Платить будем хорошо. – Неверский подозвал официанта и велел принести кофе и счет. – Ты пока думай, а я сделаю пару важных звонков.

Он поднялся из-за стола и вышел в вестибюль. Вернулся, когда Павел допивал свой кофе. Долго звонил. Дела даже пообедать толком не дают, посочувствовал Неверскому. Тот кофе пить не стал. Положил в книжку деньги за обед и посмотрел на часы – по всему видно, спешит человек. Павел торопливо сделал последний глоток и тоже приподнялся. Ему показалось, что Неверский его ждет. А если и не ждет, то какой резон тут засиживаться?

– Слушай, ты на свою встречу уже все равно опоздал, едем ко мне, сразу все и посмотришь.

Отказать Неверскому, после того, как тот так сытно накормил, было бы чистым свинством. Кроме того, любопытство разбирало, хотелось посмотреть, как умеют устраиваться люди. И понять, почему он, Павел, оказался в аутсайдерах. А в серую дверь и завтра не поздно будет войти.

Натянув свой новый плащ, под мелким октябрьским дождем проследовал за Неверским к машине. Мерседес. Класная машина. Хотя на какой еще машине может ездить генеральный директор крупной компании? Вот судьба – индейка – или злодейка? – ходили в одну школу, в один шахматный клуб, и кто сейчас Неверский, и кто он, Пашка? Его не переставали удивлять такие метаморфозы с людьми, которых он знал. Марьяну взять... обычная продавщица была. А сейчас, по словам Вовчика, взлетела. Не так высоко, конечно, как Неверский, но все-таки. Владелица бюро по обмену. Почему одним отваливаются такие щедрые ломти жизненных благ, а другие, как ни стараются, живут и умирают в нищете? От чего зависит такое везение? Уж явно не от трудолюбия и не от количества затраченной на работу энергии. Вон, Васька, как ишак таскает тюки на рынке с утра до вечера, а толку? Впрочем, что об этом думать...

Нежное покачивание в кремовом кожаном салоне ввергло его в состояние транса. Сытый, в тепле и, незнакомом прежде, комфорте, он смотрел сквозь стекло на заляпанную грязью машины, скользящие рядом, на переполненные троллейбусы и маршрутки, в окнах которых маячили усталые лица, и желал только одного, чтобы эта дорога длилась как можно дольше. Но доехали очень быстро. Офис представлял собой двухэтажный свежотремонтированный старинный особняк. Небольшой, но, пожалуй, один из самых красивых в центре города. Впро-

чем, разглядывать, что и как было некогда. Неверский набрал код на двери, по широкой лестнице провел его в один из кабинетов на втором этаже и ткнул пальцем в компьютер.

– Здесь тебе никто мешать не будет. Садись за комп. Сейчас скажу, чтобы тебе дали доступ к новым материалам.

Пашка покраснел. Хорошенькое начало! Нет, знал он, знал, что нечего сюда и ехать. Надо было срочно в ресторан идти, устраиваться охранником, вдруг бы да успел... Он беспомощно огляделся. В кабинете три стола и на каждом компьютер.

– Я... это... в них не особенно. Говорил же тебе, давно с техникой не работал.

– Ну, вы там на своем военном производстве сильно от жизни отстаете! Как же сейчас без компьютера? – поразился Неверский. – Впрочем, я и сам в них не очень, только Интернетом и пользуюсь. Ну и в игры кое-какие сын научил играть. Но мне в компьютерные дебри можно и не забираться, я все-таки босс, начальство, что скажу, то и сделают. А тебе без этого никак. – Он наморщил лоб, соображая, что делать. – Ладно, садись пока бумажную документацию изучай. А позже Кешка покажет тебе, что там у него в компьютерах. Есть у нас в техническом отделе свой Билл Гейтс, компьютерный гений, Иннокентием зовут.

Павел почувствовал себя неуютно. Он-то, точно, не гений. А потому его отсюда, если не сейчас, так позже, но обязательно прогонят поганой метлой. Пообедал хорошо, и на том спасибо. Он огляделся в поисках телефона. Затеплилась надежда, – может еще успеет-таки в ресторан, если не доехать, так хотя бы позвонить до конца рабочего дня? Сказать, так и так, непредвиденные обстоятельства, но завтра с раннего утра он непременно явится, и на все условия заранее согласен...

Но у Неверского были свои виды на Пашкино будущее. Он открыл шкаф и начал доставать папки.

– Компьютер начнешь осваивать завтра. А пока, вот тебе документация. Объяснять некогда, сам смотри все, что касается аппарата «Диагностика». Ладно, побежал, меня там уже народ ждет. Приемный день сегодня. Освобожусь, поедem в сборочный цех, посмотришь, что и как в реале делается. Интересно послушать твои соображения.

Какие там соображения! Отстал он от жизни. Хорошо еще, если в охрану возьмут, там у них наверняка тоже все компьютеризировано. Но уйти не решился. Некрасиво как-то будет. Вздохнув, уселся за стол и покорно открыл одну из папок. Посмотреть, в любом случае можно, что там за аппарат такой, чертежи и описания это хорошо знакомые вещи, это не компьютер. С полчаса листал бумаги, внимательно вглядывался и вчитывался. Потом с облегчением откинулся на спинку стула – можно и расслабиться. Если судить по схемам, ничего сложного не было в этом аппарате. Но это по документам, а что там, в цеху, на конвейере получается? Он попытался представить процесс сборки. Тоже не должно быть ничего страшного. Он, конечно, не мастер, но и не новичок в подобных вещах. Случалось ему делать и более сложные вещи. Он оглядел большой светлый кабинет и призадумался. Подумать было о чем. Совершенно неожиданно жизнь давала ему шанс выкарабкаться из той щели, в которой он обитал несколько последних лет. И, наверное, он будет последним идиотом, если этим шансом не воспользуется. Встреча с давним приятелем открывала просто фантастические перспективы.

Если удастся зацепиться за это место... Что за сомнения, почему бы и нет? – произнес внутри него какой-то новый, уверенный голос. – С его-то техническими навыками и способностями! В принципе он может справиться с любой проблемой. И компьютер, и все эти компьютерные программы в два счета освоит. Не боги горшки обжигают. Он всегда любил головоломки.

– Это вы – Павел?

Словно из-под земли перед ним вырос длинный и тонкий, как хворостина, белобрысый парень и, поглядывая с высоты своего двухметрового роста, пробубнил:

– Алексей Иванович сказал, чтобы я показал вам материалы в компьютере.

Домой Павел вернулся в десять вечера.

Не раздеваясь, сел на диван и, закинув руки за голову, некоторое время сидел, снова и снова осмысливая внезапный поворот судьбы. Случилось невозможное. Невероятное! Его приняли на работу. Приняли! После того, как они с Неверским целый час провели в цехах, наблюдая за процессом сборки, он осторожно изложил ему свои соображения по поводу постоянно возникающих неполадок. Аппаратура пыли не любит, а тут, можно сказать, в одном помещении и сварка и сборка. Пусть и в разных углах огромного помещения, а допускать такое нельзя. Небольшая перегородка, разделявшая два цеха, два разных процесса, не доходила до потолка, да и двери между цехами не было. Неверский несколько раз прошагал туда и обратно, размышляя. «И это все?» Ему такая причина показалась слишком простой. Она и была простой. Павел, как инженер, в свое время поработавший с точной механикой, сразу это увидел. А Неверский этого не видел, потому что не был инженером. А остальным, похоже, и вообще дела до этого не было. Ясное дело, рабочим все равно, только бы деньги платили. От мастера за километр перегаром разило. Странно, что Неверский на это внимания не обратил. А присутствию пыли удивлялся, хмурился, уборщики, что не работают? Даже если и работают, сказал Павел, какой толк в их работе, когда два цеха фактически в одном помещении? Взглянув на озадаченное лицо Неверского, добавил торопливо, что это, конечно, только его личное мнение. Может, там еще что-то не так, при самой сборке. Но он думает, все-таки, что главная проблема – это грязь. Пыль, то есть. «Ну, что ж, может быть, может быть, – морщил лоб Неверский. – Ладно, давай оформляйся. С завтрашнего дня приступить можешь?» Могу, ответил слегка обалдевший Павел. «Вот и ладненько».

Настоящая работа! Утренняя мечта о месте охранника казалась просто ничтожной, по сравнению с реальностью и открывшимися перспективами. А что – он и в школе и в институте был не хуже других. Звезд с неба не хватал, но никто на него никогда и не жаловался. На работе у него и благодарности и премии были, в шкафу больше десятка грамот в папке лежит.

Он огляделся по сторонам и вдруг ужаснулся. Внезапно увидел себя со стороны – опустившийся, ничем не интересующийся сорокалетний мужик, обитающий в грязной, запущенной холостяцкой норе. И в самом деле, почти бомж. Точнее, как говорили одно время, «бич» – бывший интеллигентный человек. И как он дошел до жизни такой? Надо что-то делать, и делать прямо сейчас! Сбросил плащ, снял ботинки, и с отвращением натянул изношенные спортивные и старую фланелевую рубашку, милее которой еще утром ничего не было. Руки чесались просто немедленно положить конец этому жизненному бардаку. Открыв дверь на балкон, взгляделся в темноту – где-то здесь валялся старый веник. Вот он, голубчик, грязный, в паутине. Промыв его под струей холодной воды, Павел начал выметать из углов комнаты накопившийся за долгое время мусор. Потом, не найдя никакой подходящей тряпки, намочил старую майку и вытер пыль на полках серванта и книжного шкафа. Но и этого не хватило, чтобы погасить забурлившую в нем, видимо, от жизненных перемен энергию. Пожалуй, пора и окна помыть. А завтра обязательно их заклеить, чтобы тепло не выдувало. Дернул старый шпингалет и распахнул рамы. В комнату влился холод октябрьской ночи. Ничего, свежий воздух не помеха, выветрит застоявшуюся атмосферу. Начинается новая жизнь. Положению инженера надо соответствовать.

Когда стекла заблестели, он, сам себе удивляясь, помыл еще и полы, и остатками соды, хранящейся с незапамятных времен в шкафчике ванной, вычистил туалет и ванну. В три часа ночи, порядком уставший, стал, наконец, под холодный душ. Горячую воду уже отключили. Ничего, он и холодной может помыться.

Всю следующую неделю он делил рабочее время между цехом, где изучал поэтапную сборку, и кабинетом Иннокентия, который преподавал ему азы компьютерной грамотности.

Кешка оказался талантливым педагогом. В первый день, показав, что и как включать, исчез, оставив Павла одного наедине с хитроумным монстром. Разыскивать неуловимого Кешку по всему зданию было неудобно, и, пытаясь и потевя, Павел читал главку за главкой самоучитель «для чайников» и осваивал азы компьютерной грамотности методом тыка. Через несколько дней занятий компьютер монстром уже не казался. Больше всего поражали, возможности интернета. Конечно, он не раз слышал о нем и раньше. Но думал, что это приспособление работает главным образом для того, чтобы переписываться, для почты, то есть. «Это, что же, я и в самом деле, могу куда угодно залезть и найти все, что мне надо? Все материалы?» – снова и снова спрашивал Кешку. «Не все, – терпеливо объяснял Кешка, удивляясь непонятливости бывшего советского инженера. – А только те, которые в интернете выложены».

– Ты давай, приглядывайся и вникай. Вникай в процесс, но и не теряй свежего взгляда со стороны, – наставлял Неверский. – Ты же инженер, и можешь увидеть то, что я со своим медицинским образованием никогда не увижу.

Павел вникал. Каждый день ровно в восемь он уже был в сборочном цехе.

– Да по тебе часы можно сверять, – пошутил начальник цеха.

– Сам себе удивляюсь, – улыбнувшись, пожал плечами Павел, – какой пунктуальный сделался! Раньше таким не был. Похоже, это ваше производство на меня так повлияло.

Шутки шутками, а работать ему и в самом деле, было интересно. Уходил, когда не оставалось никого, кроме охранника.

Знакомясь с чертежами и схемами, понял вдруг, как всего этого ему не хватало в последние годы. В процессе работы он нашел еще одну нестыковку, которая тормозила процесс сборки, и могла быть причиной частых поломок «Диагностика». Кроме того, придумал вдруг, как его усовершенствовать, процесс этот. В троллейбусе ехал и вдруг понял, что к чему. Как озарение явилась одна очень оригинальная мысль. Которой осторожно поделился с Неверским, специально подстерег того утром в коридоре. Тот в Пашкины расчеты и объяснения вникать на ходу не захотел, спешил, сказал, что снова уезжает в один из своих филиалов.

– Ты, вот что, изложи мне все это в письменном виде, а я по дороге посмотрю, – сказал он.

– Похоже, у тебя вся жизнь дорога, – пошутил Павел.

– А ты что, думал, у бизнесменов деньги в саду на деревьях растут? – приподнял брови Неверский. – Пашу, как вол, – пожаловался.

Павел хотел сказать, что вот и он тоже в последнее время только о работе думает, но вовремя прикусил язык. Пригласив его работать, Неверский, тем не менее, приятелем не стал. Никаких разговоров о старых временах, никаких воспоминаний. И правильно – таких, как Пашка, школьных знакомых у Неверского полгорода. Что же, всех в друзьях числить? Он поднялся, а Пашка остался внизу. Пашка все правильно понимал и держал дистанцию. Но и подобострастия не выказывал, нечего расстилаться. Поэтому он просто протянул папку, расчеты и описания были при нем, составлял до глубокой ночи, и утром уже на работе еще раз все просмотрел на свежую голову. Захочет Неверский, ознакомится, а забудет или не захочет посмотреть, Павел убиваться не будет.

Но Неверский посмотрел. И вернувшись через несколько дней из командировки, сразу же позвонил Павлу домой.

– Идея и в самом деле интересная. Я тут рассказал о ней одному зубру из института точной механики. Он говорит, очень оригинальное решение. Так что зайди завтра, обговорим, как лучше внедрить его в производство. Молодец... – в голосе Неверского звучало уважение.

Следующее утро Павел провел у Неверского, разясняя детали своего проекта, после чего отправился в цех. Спускался по лестнице в самом прекрасном расположении духа, когда

сверху, перегнувшись через перила, его окликнула секретарша Наташа: Алексей Иванович просит вернуться.

В кабинете помимо Неверского уже сидел его зам, Бакатин. Почему-то он с первого дня знакомства был Павлу неприятен. Неестественный какой-то. При встречах вроде бы как посмеивается, а взгляд все равно остается неприятным, смотрит, как будто ощупывает.

– Тут такая ситуация возникла, – скороговоркой произнес Неверский, перебирая какие-то документы в красной папке. – Не хотел тебя вовлекать, поскольку это не входит в твои обязанности инженера, но как говорится, не в службу, а в дружбу, не мог бы выручить? Факс пришел из «Фармы», требуют срочно забрать товар из Будапешта. А у нас в отделе сбыта и доставки на сегодняшний день все, как назло, по командировкам разъехались. Вообще-то, аптеками у нас Иван Сергеевич занимается, – кивнул на заместителя, – но...

– Я бы и поехал, – вздохнул Бакатин, – но как раз в эти дни не могу. Делегацию немцев ждем, нужно марафет навести. Документы подготовить. Просто безвыходное положение...

– Из «Фармы»? – Павел наморщил лоб, пытаюсь сообразить, о чем идет речь.

– Ах да, ты же не в курсе. Это фирма такая, международная, лекарствами занимается, – пояснил Неверский, продолжая копаться в бумагах. – И куда я этот факс дел? А вот, нашел. Так вот, у нас сеть собственных аптек, для которых мы покупаем лекарства. В разных местах, в том числе, время от времени, берем и у этой самой «Фармы». Надо съездить к ним в качестве экспедитора, – он мельком взглянул на Павла.

– Ничего сложного, – подхватил Бакатин, – там встретят, отвезут куда надо. Всей-то работы – подписать бумаги, подтверждающие, что лекарства получены. И вернуться, естественно, с грузом.

Проехать за казенный счет за границу, да еще в качестве главного представителя! Здорово было бы... Но было одно «но».

– Я, конечно, с радостью бы, – с сожалением сказал Павел, – только я...

– Не волнуйся, не один поедешь, – поднял руку Бакатин. – Но в качестве главного представителя. Туда на поезде, ну, а оттуда придется ехать на одном из грузовиков. Загранпаспорт имеется?

– Об этом я как раз и хотел сказать. Я же в почтовом ящике работал. Невыездной, – признался Павел.

– Был невыездной, – уточнил Бакатин. – Давай срочно фотографируйся. Сделаем тебе загранпаспорт.

Неверский взглянул на зама.

– Успеем? А виза?

– Раз надо, значит, сделаем, – усмехнулся Бакатин.

– Вот и отлично, – кивнул Неверский, снова зарываясь в бумаги и давая понять всем своим видом, что аудиенция окончена.

Бакатин повернулся к Пашке.

– Иди к секретарю, Наташа скажет, что делать и оформит тебе все документы.

Дальше все было как в сказочном сне. Через несколько дней Павел сидел в мягком вагоне фирменного поезда и смотрел в окно на перрон, все еще не веря, что едет в Будапешт. И не просто так, а по важному поручению. Во внутреннем кармане в новеньком бумажнике лежала, грея душу, солидная сумма командировочных в иностранной валюте. Господи, да кто бы мог поверить в такое – всего две недели назад он шел наниматься в сторожа, а сегодня его самого охраняют, как ценную личность! Он покосился на соседнюю полку, где спал богатырским сном, похрапывая, Николай. Ну, положим, Николай не его лично охранять будет, а ценный груз, за которым они и едут, но все равно приятно.

На вокзале их встретил хмурый лысый мужичок хорошо за пятьдесят. Представитель компании.

– Михаил, – представился, не подавая руки. – Мне поручили отвезти вас в офис.

И развернувшись, быстро потопал к автомобильной стоянке. Не очень-то разговорчивый.

– Из эмигрантов, ясное дело, – тихо констатировал Николай, пока они шли следом. – Сбежал, видно, в свое время, а потом понял, что зря. Ничего ему и тут не обломилось, раз баранку на дядю крутит. Такие на бывших соотечественников волком смотрят. Таким везде плохо, и дома плохо было, и тут невезуха.

Павел хотел было спросить, откуда у Николая знание таких тонкостей закордонной жизни, но не успел, подошли к машине, расселись и покатили, в полном молчании.

Но ничего не могло испортить праздничного настроения. Мало ли какие обстоятельства в жизни этого Михаила. Может быть, голова у человека болит после вчерашней пьянки. Вот ему и плохо. А Пашке очень даже хорошо. Он жадно вглядывался в незнакомые улицы, красивые дома, мелькавшие за стеклом. Жаль, что только один день у него на Будапешт, вечером их машины выезжают обратно. Ничего в этот раз он не успеет посмотреть. Но в нем росла непонятная, но твердая уверенность, что это не последняя командировка. Что он еще погуляет по этим самым за границам.

Вернулся он в пятницу рано утром и, хотя ночь почти не спал, – какой там сон в дороге – тут же отправился на работу. Доложить Неверскому, что задание выполнено, три машины лекарств доставлены в полном порядке и точно по расписанию. Да и вообще, рабочий, все-таки, день.

Несмотря на ранний час – было только половина восьмого, – Неверский уже был в своем кабинете и, казалось, ждал его. Усадив Павла на диван, он быстрыми шагами начал мерить свой кабинет, задавая один вопрос за другим.

– Значит, все прошло гладко? Таможню как проходили? Без задержек? Документы смотрели, машины?

Просто забросал вопросами.

– Документы смотрели, а машины нет, – сказал Павел.

– Без досмотра пропустили? – не поверил Неверский, останавливаясь перед ним. – Вообще, что ли, не смотрели? – переспросил.

– Вообще, – кивнул Павел. – Ночь же была. Устали, наверное.

Неверский посмотрел на него странным долгим взглядом, потом, наклонившись, похлопал по плечу.

– Ты тоже, похоже, устал. Можешь идти домой, отсыпаться. Даю день на отдых.

– Да я поработаю до обеда, – не согласился Павел. – Хочу посмотреть, что они в цеху без меня сделать успели.

– Ну, посмотри-посмотри, – Неверский, успокоившись, сел за стол. – Только, думаю, что ничего сверх обычного они не сделали. Слушай, а какие у тебя планы на завтра?

Никаких планов у Павла не было, разве что отоспаться после поездки, но об этом и говорить не стоит, если есть срочная работа. Но Неверский поработать не предложил. А сказал совсем другое.

– Приходи на обед. О своей поездке расскажешь. Бакатин будет и директор нашего филиала из Новосибирска. Заодно дом покажу, с женой познакомлю.

Приглашение было неожиданным и, чего скрывать, приятным.

Дом Неверского стоял в престижном районе. Высокий трехметровый забор скрывал от посторонних глаз мощеный фигурным камнем двор, все еще зеленую, несмотря на первые заморозки, лужайку с круглым бассейном под голубыми елями. Из-за куста выдвинулся огромный пес и тихо зарычал, когда Павел двинулся к дому следом за хозяином.

– Тихо, Рекс! Свои, – шуганул его Неверский, пропуская Павла вперед. Они поднялись по ступеням и вошли в холл, каких Павлу еще не приходилось видеть. Это была не просто большая прихожая, как в обычных домах – это был средних размеров зал, весь отделанный мрамором. Белый мрамор на полу, две мраморные колонны, хрустальная люстра и лестница с мраморными же ступенями. Раздвижные двери, ведущие вглубь дома, были украшены витражом. Переступив порог, Павел слегка затормозил. Необычная обстановка подействовала. Было бело как в царстве Снежной королевы. Он беспомощно огляделся, не решаясь ступить дальше.

– Чего отстаешь? – удивился Неверский, оглянувшись.

Хорошо Неверскому, он городскую грязь не месит, у него и туфли чистые.

– Пошли, – улыбнулся хозяин. – Топай, не стесняйся. Ну, наследил немного, вытрут.

Павел взглянул на свои грязные ботинки.

– Может, все-таки мне лучше разуться?

– Даша! – крикнул Неверский повелительным тоном. В то же мгновение откуда-то из-под лестницы материализовалась невысокая женщина средних лет в белом переднике.

– Даша, возьмите у гостя плащ, дайте тапочки и помойте ему ботинки.

От последнего распоряжения Павел пришел в ужас.

– Не надо! Не надо мыть ботинки. Я сам...

Неверский засмеялся.

– Не надо – так не надо. Дайте ему тапочки, Даша.

Бросив мимолетный взгляд на его ноги, Даша исчезла, чтобы через мгновение появиться снова – с новенькими тапочками в руках. Как раз его размера. Как только угадала? И откуда они здесь, сорок шестого размера? Похоже, для гостей у них целый шкаф запасной обуви, все размеры. Он снял плащ и неловко сунул в руки горничной, которая тут же его куда-то унесла, потом разулся, поставил ботинки у входной двери и, вздохнув, последовал за Неверским. Нет, он никогда бы не согласился жить в таком доме со спортивным залом вместо нормальной прихожей, да еще с прислугой! Чтобы чужой человек день и ночь наблюдал за его личной жизнью? Это же с ума сойти можно, такое напряжение.

Следующая комната была еще больше мраморного холла. Гостиная, наверное. В огромном камине горели дрова, одна из стен была стеклянной. За ней просматривался осенний сад. Еще одна витражная дверь. И еще одна, поменьше в углу... в таком доме запросто можно заблудиться. А диван какой! Ну, просто из каких-то королевских апартаментов. Посреди комнаты был накрыт стол. Такого стола Пашка даже в ресторане не видел. Посреди закуского великолепия цветы в низких вазах, свечи – пока еще не зажженные – в причудливых подсвечниках, белые, пока еще пустые, тарелки, сверкающие бокалы и рюмки. Похоже, его ждет шикарный обед.

Из одного из кресел, стоявших перед включенным телевизором, наверное, с метровой диагональю, поднялась женщина, которую он вначале и не заметил. Глубокие были кресла.

– Павел, наш новый инженер. А это Элеонора, моя жена, – скороговоркой представил их друг другу Неверский.

Рассматривать жену шефа было неприлично, но и мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить ее пышные формы, темные волосы и огромные черные глаза. Похожа лицом на восточную красавицу. Прямо-таки Нефертити, только поупитаннее. Элеонора руки не подала, только головой кивнула и тут же заспешила к двери.. Не очень, похоже, приветливая

у Неверского жена. Или очень занятая. Такой стол накрыть, да обед приготовить, пусть даже и с помощницей этой, Дашей, не шутка. Наверное, и мясо будет.

– Посиди пока. Телевизор посмотри, – сказал Неверский и тоже исчез.

Павел остался в гостиной один. Рано пришел, наверное. Стол накрыт – он посчитал приборы – на пятерых, а никого из гостей пока нет. От нечего делать принялся рассматривать картины на стенах. Изучив огромное безымянное полотно над камином, изображавшее яхты в заливе, перешел к следующему, с надписью «Цветение миндаля в Бельбекской долине», потом осторожно опустился в мягкое кресло, где до этого сидела жена Неверского, и стал смотреть телевизор. Шла какая-то музыкальная передача, то и дело прерываемая рекламой. Хорошо бы на таком экране какой-нибудь хороший фильм посмотреть. У Пашки телевизор отечественного производства, старый, к тому же, цветопередача хреновая, сколько не настраивай, все равно цвета неестественные. Нежно затренькал звонок и через минуту, сопровождаемый хозяином, в гостиной появился еще один гость. Крепкого сложения, в отличном темно-синем костюме с галстуком.

– Вот это и есть наш новый инженер, о котором я тебе говорил, – произнес Неверский, указывая на Пашку. – Надеюсь решить некоторые проблемы с его помощью. Классный спец!

Пашку так еще никто не характеризовал. Он почувствовал, что краснеет – от удовольствия. Вошедший внимательно, даже как-то слишком внимательно, посмотрел на «классного спеца». Потом протянул руку.

– Александр Петрович. Директор новосибирского филиала. – Рука цепкая, жесткая. – А кто вы по своей основной, так сказать, специальности?

Пока Пашка отвечал, звонок опять зазвонил, сообщая о прибытии новых гостей.

– Жена не смогла, – услышал Павел голос Бакатина.

– Не смогла или не захотела? – с усмешкой поинтересовался Неверский.

– Ну перестань... В самом деле, простудилась, температурит. Ездил со своими подружками в горы, ванну молодости принимать. Вот и омолодилась. Лежит третий день. Хочешь, наберу, сам услышишь, какой у нее голос!

– Ладно, ладно, – не оправдываясь...

В течение всего обеда, пока гость из Сибири, Неверский и Бакатин говорили о сибирской охоте, продажах лекарств и аппаратуры, и прочих неизвестных Павлу вещах, Элеонора не проронила ни слова. Почти не поднимая глаз, вяло ковыряла вилкой салат в тарелке. Странная какая-то. Может, вообще, немая? – подумал он, взглядывая украдкой, время от времени, на хозяйку. Ни с кем ни слова – ни полслова. Ладно, он в этом доме впервые, но и директора филиала она-то знает. Впрочем, остальные, занятые разговором, не обращали никакого внимания на ее молчание. Как и Неверский. Поссорились, что ли? Или принято у них так? Чужая семья – потемки. Впрочем, и сам Павел тоже почти не участвовал в разговоре, поскольку был не в теме. Сначала ощущал от этого некоторую неловкость, но после первого бокала почувствовал себя комфортнее. В самом деле, никто не виноват, что он не может участвовать в разговоре. Он новый человек в их коллективе. Спасибо, что вообще пригласили. Обед был вкусным, вино прекрасным, – чего еще желать? Поев, он слегка осоловел, а еще после пары бокалов, глядя на яркие языки пламени, лижущие поленья в камине, совсем расслабился.

Встав из-за стола, Неверский повернулся к нему и извинившись, сказал, что ему надо срочно переговорить с Бакатиным и Александром Петровичем наедине по нескольким важным вопросам. Павел не обиделся – надо так надо. Он знал свое место и в фирме и в этом доме.

– Но ты не вздумай уйти, – предупредил Неверский. – Посиди пока, выпей еще чего-нибудь. Дом посмотри. У нас и зимний сад есть. Элеонора покажет. Я быстро переговорю, и мы продолжим о твоём изобретении.

Неверский, Бакатин и директор ушли, оставив Павла наедине с Элеонорой.

– Сигарету? – подала она, наконец, голос.

– Не курю, – ответил Павел, и сам удивился своему ответу. Потому что курил. Правда, в последнее время не больше двух-трех в день – решил окончательно, что пора бросить. Дорогое удовольствие. Да и не улыбалось как-то умереть от рака легких.

– Тогда пройдем в зимний сад, – Элеонора поднялась и, направляясь к двери неверным шагом, жестом пригласила его следовать за ней. И тут он понял, откуда такое сдержанное поведение за обедом. Судя по походке, дама хорошо наклюкалась. И сделала это, видимо, еще до обеда, поскольку за столом пила не так уж много, только вино и только вместе со всеми.

Зимний сад располагался на огромной, крытой стеклянными рамами, террасе. Окна во всю стену смотрели в сторону соснового леса. Низкие тучи сыпали мелким дождем на последнюю листву на деревьях, на унылые ели, а здесь было светло, тепло как летом, нежная зелень, цветы вокруг. Просто рай. Элеонора подошла ближе и стала рядом, благоухая духами, как цветущий куст. За столом Павел этого запаха не чувствовал. Похоже, пока он глазел на все эти лианы и лимоны, успела надушиться. Постояв немного молча, Элеонора вдруг положила ему руку на плечо и, поглядывая сбоку, сказала:

– Люблю осень. Красивый отсюда вид, правда?

– Красивый, – согласился, не зная как реагировать на эту руку на плече. Точно, выпила лишнего. А надушилась сверх меры, чтобы не чувствовалось запаха спиртного. Только все равно слышно. Ему захотелось как можно скорее убрать руку Элеоноры. Что Неверский скажет, если вдруг зайдет?

– Он не зайдет, – словно прочитав его мысли, произнесла Элеонора. – Они теперь не меньше двух часов будут обсуждать свои темные делишки. Ты в этой компании недавно, а я их хорошо знаю. Но ты, ведь, никуда не торопишься? Хозяин велел ждать.

Ему не понравилось это «хозяин», и тон ее не понравился. Прозвучало так, словно он собака, которой дали команду «сидеть». Кольнуло острое чувство неприязни, и он слегка пошевелил плечом, жестом требуя, чтобы она сняла с него руку. Бестактная, все-таки, у Неверского жена. Нахмурившись, он продолжал молча изучать осенний пейзаж за стеклом.

– Не обижайся, это шутка. – Элеонора убрала руку.

Тихо засмеявшись, приспустила бретельки платья, и прижалась к нему большой обнаженной грудью. Это было так неожиданно, что Павел потерял дар речи. Что было потом, он бы и лучшему другу не рассказал. Ситуация окончательно вышла из-под контроля...

Потом, как ни в чем не бывало, они сидели в белых кожаных креслах в гостиной и, в ожидании Неверского и его гостей, пили чай из тонких фарфоровых чашек. Опять же, молча. Без единого слова. Украдкой наблюдая за Элеонорой, Павел спрашивал себя, не приснилось ли ему то, что только что произошло? Может, слегка переборщив с вином, он просто вздремнул у камина?

Прошло еще не меньше получаса, прежде чем Неверский и Бакатин, проводив сибирского гостя, снова присоединились к ним. Элеонора поднялась, чтобы принести и им чая.

– Ну, что, не скучал тут? Посмотрел дом? – рассеянно поинтересовался Неверский, усаживаясь в кресло рядом. – Понравился?

– Замечательный, – торопливо кивнул Павел. – Я таких домов еще не видел.

– Кучу денег в строительство вложил. Для семьи строил, для детей. Думал, вот построю, налажу бизнес и заживу тихо и спокойно. Да только зря старался, – Неверский махнул рукой.

– Почему это? – удивился Павел.

– Сам, что ли, не видишь? Мотаюсь туда – сюда. А если и здесь, то все равно целый день на работе. Бизнес это бизнес. Да и семьи-то уже, по сути дела, нет.

Павел оглянулся на Элеонору, которая несла поднос чашками.

– Как это – нет?

– Дочь в Лондоне в частной школе учится, а сын в Шотландии, в школе бизнеса, – объяснил Неверский. – Непонятно только, чему он там обучается. У них там, на Западе, в бизнесе свои правила игры, а у нас здесь свои. Вернутся дети, их, что, заново обучать?

Зачем же ты их туда послал, завертелся вопрос у Павла на языке. Но произнести его вслух он не решился. Не его это дело, в конце концов.

– Впрочем, скорее всего, они и не вернуться, – угрюмо продолжил Неверский. – К моему делу с их стороны никакого интереса не наблюдается. Так что дети как будто есть, но, в то же время, их как будто и нет, – подытожил. – Скорее всего, в этой самой Англии останутся. Дом у меня под Лондоном...

Помолчали. Что мог сказать Павел? У него не было ни бизнеса, ни детей, ни дома под Лондоном. Некоторое время он смотрел на огонь, а потом вдруг совершенно неожиданно для себя произнес:

– А я бы, если бы пришлось выбирать, поехал бы в Германию. Кельн замечательный город.

– Почему именно Кельн? Ты, что, там был? – удивился Неверский.

– Я? В Германии? Нет, конечно, – пришел в себя Павел, с трудом оторвав взгляд от огня. В самом деле, что за идиотские фантазии? – Читал много. И фильмы смотрел.

– А почему бы тебе туда и не съездить, и не посмотреть этот Кельн в натуре? – пожала плечами Элеонора, подавая мужу чай. – Я в Германии раз десять, наверное, была, но вот в Кельне никогда.

– Какое упущение! – насмешливо бросил жене Неверский и повернулся к Павлу. – Ладно, давай пройдем в кабинет, объяснишь нам с Иваном Сергеевичем еще раз, что там надо менять при сборке. И во что это фирме выльется.

Бакатин отодвинул нетронутую чашку с чаем. Павел тоже с готовностью поднялся, с опаской глянув в сторону хозяйки. Быть в обществе Элеоноры было опасно. Непредсказуемая женщина – мало ли еще чего в голову взбредет.

В кабинете они некоторое время обсуждали детали проекта, но Павлу показалось, что слушали его объяснения не очень внимательно. Бакатин, глядя за окно, ковырял зубочисткой в зубах, Неверский рассеянно скользил взглядом по расчетам, время от времени делая глоток из бокала. Может быть, не верят, что его предложение будет эффективным, а значит, и прибыльным, в конце концов? Может, и не собираются они ничего менять. Но тогда зачем позвали? Он умолк.

– Вот что, обсудим все это на планерке, пусть те кто на процессе, выскажут свое мнение, тогда и примем окончательное решение, – прервал затянувшуюся паузу Неверский. – А пока вот что... надо бы еще раз за грузом сгонять.

Они, что снова решили его послать в Будапешт?

– Нет, на этот раз надо в Вену поехать, – сказал Бакатин. – Поедешь?

– И когда? – Павел слегка нахмурился, стараясь скрыть радость.

– Во вторник.

– Послезавтра, что ли? – опешил Павел.

– А что такого? – удивился в свою очередь Бакатин. – Что-то мешает выехать послезавтра?

– Да нет, ничего не мешает, – быстро произнес Павел.

– Вот и я о том же. И ты у нас бессемейный, дети по лавкам не плачут. И виза в Европу открыта на шесть месяцев.

Павел возвращался домой в приподнятом настроении. Похоже, пошла белая полоса в его жизни. А раз так, надо ловить момент и брать все, что она, эта жизнь предлагает. Кроме Элеоноры, конечно. Интересно, тем не менее, всех мужиков, что под руку попали, она так использует, или только ему выпала такая участь?

Схема поездки была та же: машины выехали раньше, а Павел должен был отправиться следом, только на этот раз не поездом, а самолетом. И без охранника Николая. Тот уехал на одной из фур. На этот раз встречающая сторона прислала не личного представителя, а таксиста, который поджидал его на выходе из зеленого коридора с плакатиком в руках. Они долго ехали по городу, и у Павла была возможность поговорить на немецком языке. С удивлением обнаружил, что, пусть запинаясь, он, тем не менее, вполне может выразить любую свою мысль. И таксиста неплохо понимает. Все его объяснения о прекрасном городе. Не зря мать заставляла его заниматься, зубрить темы: все эти Arbeit, Stadt, Sport, Kultur, Museum...

В фирме, расположенной среди каких-то складов, немецкий тоже пригодился, хотя говорили на русском. Напряженно улыбающаяся во всю ширину вставных зубов, дама неопределенного возраста встретила его у входа и, представившись менеджером отдела продаж, повела в кабинет, где усадила на диван и предложила чашку черного кофе. Павел отказываться не стал, неизвестно, будет ли у него время для обеда. Выпив кофе, он взял подготовленные бумаги, составленные на двух языках, и внимательно прочитав их в русском варианте, принялся за экземпляр на немецком. Дама приподняла брови.

– Я час назад говорила с вашим руководством, с Алексеем Ивановичем. Мы никогда вас не подводим, – нервно заверила.

– Но я предпочел бы знать, что подписываю, – вежливо произнес Павел, продолжая изучать документ. Он вдруг ощутил важность момента. И ощущение своей значимости ему вдруг понравилось.

Дама пристально посмотрела на него, пожала плечами, но ничего больше не сказала. Отойдя к окну и глядя во двор, курила сигарету. После подписания документов его отвезли на склад, где он наблюдал за погрузкой коробок.

– Что внутри находится, не будете смотреть? – поинтересовался один из водителей.

– А что, надо?

Водитель неопределенно пожал плечами и отошел.

Павел смотреть не стал. Накрапывал дождь, и открывать он коробки не рискнул – еще отсыреют лекарства.

Вся погрузка отняла чуть больше часа времени. Потом шоферы пригласили его пообедать, и в тот же день караван из трех грузовиков тронулся в обратный путь.

В следующий раз, думал Павел, глядя в окно на живописные пригороды австрийской столицы, – если он, конечно, случится, этот следующий раз, мысленно перекрестился, – в следующий раз он обязательно выедет как минимум на три дня раньше. Быть в одном из самых красивых городов Европы и ничего не увидеть, нет, на такое он больше не согласен! Дождь все моросил и моросил, и то ли от дождя, то ли с непривычки долго ехать, его потянуло в сон. Да вы ложитесь, сказал шофер, заметив, что Павел зевает, дорога длинная. Павел кивнул, в самом деле, почему бы и не вздремнуть. И проспал остаток пути за спиной дальнобойщика.

На этот раз машины прибыли в город в полдень. Неверский с Бакатиным были на складе. Случайно там оказались или его поджидали?

– Как поездка? – спросили чуть ли не в один голос.

– Устал, но в целом нормально, – расправляя затекшее тело, ответил он.

– Как на границе? Сильно трясли? – традиционный вопрос.

– Не досматривали, – усмехнулся он. – Только заглянули, ну, ящики стоят, видно же, что лекарства. Документы смотрели.

– Очередь, наверное, длинная была? – предположил Бакатин.

– Вообще не было.

Неверский с Бакатиным переглянулись.

– Да ты у нас везунчик, – усмехнулся Бакатин.
Неверский только покачал головой.
– Чего это? – удивился Павел.
– Ну, как же. Второй раз и безо всяких приключений...
– А какие могут быть приключения? – не понял Павел.
– Ну, – Бакатин сделал неопределенный жест рукой, – всякие... Я, вот, прошлым летом в такую пробку попал, не передать. Потом двое суток досмотра ждали. Страшно вспомнить! Ни туалета, ни буфета. Это с моим-то простатитом и язвой...

Ага, понятно, почему его, Павла, посылают. Никто не хочет на границе с грузом париться. Ну, а ему пополам. Он пока еще может и без буфетов обойтись. Если снова пошлют, снова и поедет. Только обязательно – обязательно на пару-тройку дней раньше, чтобы время было на культурную программу.

8

Выгрузив ящик из такси, Пашка потащил его к подъезду, и лицом к лицу столкнулся с выходящим из дома Васькой.

– Это что? – заинтересованно кивнул Васька на ящик.

– Стиральная машина.

Василий вытаращил глаза и, как загипнотизированный проследовал за приятелем обратно в подъезд.

– На фига она тебе? Жениться, что ли собрался?

– Надоело спать на грязных простынях, – лаконично ответил Павел, втаскивая машину в лифт.

– Так давал бы стирать моей Варьке. Она тебе лучше, чем в прачечной выстирала бы, и всего за ничего. А ты такие бабки зря вбухал, – укоризненно покачал головой Васька, втаскиваясь следом и в лифт. – И ведь сломаться может.

– Не сломается. Немецкая. А сломается, починят, на нее два года гарантии. Ты, что, тоже наверх едешь?

– Да я же к тебе и приходил, – опомнился Васька. – Дай десятку. Я тут поиздержался, а Варька в магазин гонит, иди, говорит, и без хлеба не возвращайся, а то ужином кормить не буду. На хлеб-то у меня есть, а на пиво не хватает. А Варька рыбу жарит. Что за рыба без пива? Так есть у тебя деньги, или все в эту бандуру вбухал?

Он с отвращением ткнул пальцем в стиральную машину. Рука Павла автоматически полезла в карман, где лежали остатки зарплаты. Десятка найдется. Для друга и больше не жалко. Можно и двадцать, или даже двадцать пять дать, а можно и больше. Сказать ему, сколько он сегодня получил?

Стоп, вдруг совершенно отчетливо произнес внутренний голос. Эти деньги пойдут на ремонт квартиры. На обои и краску, на толкового мастера, чтобы сделал не как попало. А Васька купит бутылку пива и бутылку водки. И почти верняк, что «поужинав» всем этим, начнет гонять Варвару вокруг дома и к вечеру наставит ей пару-тройку очередных синяков. Лифт дернулся и остановился. Павел вытолкнул ящик на площадку и обернулся. Отказывать нелегко, но иногда надо.

– Деньги у меня есть, – произнес он каким-то совершенно чужим голосом. – Но не дам. Ни сегодня, ни завтра. Потому что ты все равно все пропьешь.

И нажал кнопку первого этажа.

– Да ты, что, Пашка, о...? – только и успел рявкнуть Васька. Выйти уже не успел, створки захлопнулись и, гневно матерясь, он поехал вниз.

– Молодец, Павлик! – в голосе Раисы Егоровны неподдельное восхищение. Стояла, приоткрыв дверь своей квартиры, подслушивала и даже этого не скрывала. – Правильно ты его! Взял моду попрошайничать по дому. Он уже был тут, только что. Тарабанил в твою дверь с полчаса, наверное. Выхожу, говорю, нету его, на работе, работает теперь полный день, и даже без выходных. Так он ко мне привязался, дай, да дай десятку! А как же ему дать-то, если он долгов никогда не возвращает?

– Логично, – согласился Павел.

– Это что? – соседка вдруг узрела ящик.

– Стиральная машина.

Раиса Егоровна всплеснула руками.

– Да ты и вправду за ум взялся! Работу, наконец, хорошую нашел, и приделся, вижу. Что, невеста появилась? – поинтересовалась, понизив голос.

– Нет пока никакой невесты. Но будет. Я обязательство взял жениться до конца года, – пошутил Павел, протолкнул коробку в квартиру и с облегчением закрыл дверь изнутри. Привязались с женьтибой. Что за манера совать нос в чужие дела. В этом доме никакой личной жизни! И все потому, что все здесь знают его с детства. Был он Пашкой в детстве, им и останется до тех пор, пока жив будет. Старожилы, во всяком случае, всегда будут Пашкой звать, какую бы должность не занимал, и каких бы карьерных высот не достиг. Раньше он как-то на фамиллярность соседей не обращал внимания, но сейчас ему это отчего-то не нравилось.

Хотя, если здраво рассудить, ничего особенного Раиса Петровна и не сказала. Наоборот, вроде бы даже поддержала. И жениться ему действительно нужно. Кто-то же должен вести хозяйство, да и в сексуальной жизни давно пора навести порядок. Он так и подумал: «в сексуальной жизни». Необычно для себя подумал, но верно. И, прежде чем погрузиться в глубокий сон, еще немного помечтал – о семейной жизни.

Разбудил его истошный женский крик. Вскочив, Павел выглянул в окно, и слабым свете дворового фонаря увидел бегущую полураздетую Варвару, а через несколько секунд в поле зрения появился и Василий.

– Сказал, вернись, дура, а то убью!

Похоже, что денег на выпивку Васька все-таки раздобыл. И судя по крикам, Лямкины сегодня хорошо посидели. Ясное дело, без гостей. При гостях Васька немного стеснялся шумно скандалить и выяснять с Варькой отношения с помощью кулаков. Опять же, если выпивки было немного. Если же выпивки было много, и Васька принимал на грудь больше, чем обычно, то скандал и с гостями был обеспечен. А то и драка. Впрочем, те, кто посещал эту гостеприимную квартиру, были прекрасно осведомлены о Васькиных привычках и, выпив, не задерживались. Варвара же сидела с мужем за столом на равных и до последнего. Точнее, до последней – рюмки.

Лямкины жили в соседнем подъезде на том же этаже, что и Павел, их квартиры имели общую стену. Мальчишками, когда телефона у Лямкиных еще не было, они перестукивались, вызывая друг друга на улицу погулять. Да и теперь, случалось, когда телефон за неуплату отключали, Васька, как в давние времена, стучал в стену, приглашая скоротать вечерок. Но с тех пор, как появилась новая работа, Павел туда не ходил. Что, впрочем, не мешало ему слышать, как веселятся другие. В последнее время такие посиделки были чуть ли не каждый день.

Обычно Павел, если за стенкой уж очень досаждали криками, просто брал одеяло и подушку и шел спать в другую комнату. Потому что уговоры на Ваську в таком состоянии не действовали. Да и Варька не овца, а здоровая баба, когда надо, могла за себя и постоять. И вообще в разборки этой семьи лучше было не вступать. Это весь дом знал. Потому что как бы они ни ссорились, на следующий день у них снова тишь да гладь, да божья благодать,

и они дружно, как два голубка, все в синяках и ссадинах вместе топают в магазин. А тот, кто с вечера выступал в Варькину защиту, к утру был первый враг их обоих. Милые бранятся, только тешатся – это о них. Они тешатся, обозлился неожиданно Павел, а он должен это слушать и терпеть посреди ночи? И до каких пор? Он пододвинул к себе телефонный аппарат и твердой рукой набрал номер милиции. После чего, улегшись в постель, еще некоторое время прислушивался к Варькиному реву. Пусть приедут и наведут, в конце концов, порядок. За что им налогоплательщики деньги платят? Впрочем, вздохнул, могут и не приехать. Такая страна. В лучшем случае, утром участковый заглянет. Везде бардак, везде. Никто не хочет работать, но все хотят лучше жить. Но к его удивлению, милиция, на этот раз, не заставила себя ждать. Он не успел еще и задремать, как ночную тишину снова прорезали крики – на этот раз Васькины. Никак не желал погружаться в милицейскую машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.